

Антракт Неприличное название

Провинциальные мизансцены в двух действиях

Действующие лица:

Павел — известный московский режиссер, 49 лет

Петр — директор и худрук областного драматического театра, 49 лет

Актрисы областного театра:

Маша — 44 года

Ольга — 42 года

Ирина — 23 года

Наташа — 35 лет

Анфиса — 65 лет

Действие происходит в наши дни, в большом городе, жители которого говорят по-русски.

Действие I

Картина I

Комната, в которой мерцают зеркала. Издалека слышится музыка — духовой оркестр играет марш. Входит Анфиса, включает свет над гримировальным столиком. Она в костюме няни из пьесы "Три сестры". Достает из сумки бутылочку-фляжку, отпивает из нее, прячет фляжку. Закуривает.

Входит Маша. На ней черное длинное платье. Маша подходит к своему столику, зажигает лампы, достает из рукава фотографию и прячет ее в сумочку. Затем берет со стола сигареты.

Анфиса протягивает Маше зажигалку. Маша пытается прикурить, руки у нее трясутся. Наконец прикуривает.

АНФИСА: Машенька, что случилось? Ты так закричала "Не трогайте меня!", что хотелось милицию вызвать...

Маша молча курит.

АНФИСА: Успокойся. Хочешь чаю?

Маша отрицательно мотает головой.

МАША: Представляете... беру у вас чашку, иду на авансцену, к столу, где Ирка... с пасьянсом сидит, и вижу — среди карт... на столе лежит... фотография...

АНФИСА: Ну?!

МАША: На фото — я с Вершининым.

АНФИСА: Ну?

МАША: Целуемся.

АНФИСА: Ну? В финале?

МАША: В кафе! В горсаду! На прошлой неделе!

АНФИСА: Ну-у-у! (*Достает бутылочку.*) Хлебни, успокойся.

МАША: Нет, спасибо, я слова забуду... Это Ирка. Точно! Малолетка-интриганка.

АНФИСА: А ей зачем?

МАША: Мстит. Я как-то ляпнула, что ей только в варьете плясать. Каждый вечер роль путает... Вот она мне типа шоковой терапии устроила, чтобы я текст уронила. Ну ничего!..

АНФИСА: Фотография там осталась?

МАША: Нет, я ее сразу в рукав спрятала.

АНФИСА: Выпей чайку. (*Достает из сумки термос, наливает Маше чай. Маша пьет.*) Как ты думаешь, какой должен быть торт?

МАША: С кремом.

АНФИСА: Нет, я про вес. Килограмм десять хватит?

МАША: Кому?

АНФИСА: На юбилей.

МАША: А-а-а... Не знаю, Анфиса Михална. Я торт не ем.

АНФИСА: С собой возьмешь.

Слышны аплодисменты. В комнату входит Ирина. Она придерживает подол длинного платья и хромает. Включив лампу на своем столике, садится и начинает разуваться.

ИРИНА: Черт, до крови натерла...

МАША: Ирина Владимировна!

ИРИНА (*перебивает*): Мария Максимовна, понятия не имею, откуда она взялась! Спросите у реквизитора. Карты лежали на столе. Беру их, а под ними — фотография! Я чуть со стула не съехала.

МАША: Кто это сделал?

ИРИНА: Любой мог.

МАША: Положить — да. А сфотографировать?

ИРИНА: Зачем мне это нужно?

МАША: Сама знаешь.

ИРИНА: У меня и аппарата нет...

Звонит мобильный. Ирина роется в сумочке, достает телефон.

ИРИНА: Алло! Влад? Привет! *(Пауза.)* Ты был в зале? Ой, а я тебя не увидела... *(Пауза.)* Хорошо, через пять минут выйду. *(Кладет телефон на столик.)* Мария Максимовна, вы помните, в какой день вы... ну, когда эта... съемка была?

МАША: Наверное... А какая разница?

ИРИНА: Могу показать, в какие вечера я в "Мираже" работала. *(Достает из сумочки календарик, протягивает его Маше.)* Вот, обведено. Если не помните, может, на снимке есть число?

Маша, отвернувшись, достает из сумочки фотографию, рассматривает календарик и возвращает его Ирине.

ИРИНА: Ну что?

АНФИСА: Ира, как ты думаешь, торта на десять килограмм хватит?

ИРИНА: Для чего?

АНФИСА: Для юбилея.

ИРИНА: На весь театр? Не-е. Мало. Надо два таких.

Снова звонит мобильный Ирины.

ИРИНА: Алло! Олежек?! *(Пауза.)* Едешь сюда? *(Растерянно.)* Где будешь ждать? На служебном? Олежек, мне еще переодеться надо... Может, завтра увидимся? *(Обреченно.)* Хорошо, выйду. Целую, зайчик. *(Кладет телефон на столик.)* Господи! Что же делать?

АНФИСА: Не поминай имя Господа всуе...

ИРИНА: Черт! Что делать?

АНФИСА: Тьфу на тебя, богохульница!

МАША: Оба на служебном?

ИРИНА *(надевая кроссовки, напевает):* "Воротились. Оба, двое, два крыла".

АНФИСА: Допрыгаешься. Разведется с тобой Владик.

ИРИНА: Ничего. Я их сама сейчас разведу. *(Хватает со столика мобильный, набирает номер.)* Алло, Олежек? Ты когда подъедешь? Уже? *(Капризным голосом.)* Зайка, за углом универсам, знаешь? Купи мне "Рафаэлло". *(Пауза.)* Очереди? Ну, постой ради любимой женщины! Спасибо. *(Набирает другой номер.)* Алло! Владичек, я не успею к тебе подойти. Так ногу натерла — едва хожу. Не жди меня, ладно? Возвращайся в зал, а на служебном встретимся после спектакля. Хорошо? Целую, зайка! *(Убирает телефон в сумочку.)*

МАША: Высший пилотаж!

ИРИНА: Хотите сказать — вы так не умеете? (*Зашиуровывает кроссовки.*) Кстати, кофточка у вас!..

МАША: Какая кофточка?

ИРИНА: В которой вы на фотографии. (*Выбегает за дверь.*)

МАША (Анфисе): Осторожно, двери закрываются! Остановка — театр, следующая станция — бордель... Маленькая, но очень перспективная стерва. Хотя щелкнула нас, кажется, не она.

АНФИСА: Ты с Иркой не шути, она без тормозов. Знаешь, как она в театральное поступала?

МАША: Нет.

АНФИСА: Председатель комиссии сказал: "Не надо этюдов, Вы нас просто напугайте". Ирка чуток подумала, взяла зажигалку, подожгла занавески и выбежала из аудитории.

МАША: И что?

АНФИСА: Повезло — там был огнетушитель, погасили. У старушки из комиссии — обморок, "скорую" вызвали... С заданием справилась, напугала — и на вокзал. А на следующий день в списке поступивших — ее фамилия. Соседки по общежитию порядочные оказались, телеграмму дали.

МАША: А занавески?

АНФИСА: Вычли из первой стипендии.

Входят Наташа и Ольга — в платьях героинь "Трех сестер".

Наташа в шубке, которую тут же снимает.

ОЛЬГА (напевает): В Москву, в Москву, в Москву... Фу-у-у, накурили!

АНФИСА: Оля, вот получишь народную... К ней отдельная гримерка прилагается... Если раньше на пенсию не уйдешь.

ОЛЬГА: Не сцене — натурализм... От военных несет перегаром. А от Тузенбаха — еще и луком. Ему Чиполлино играть... Я бы на месте Никитича первый ряд не продавала — во избежание душья.

МАША: Оль, куда ты торопишься? Мне еще дохлопать не успели, а ты уже несешься со своей репликой, как с вилкой в заднице... Тебя ж все равно не слышно.

ОЛЬГА: Почему?

МАША: Из-за аплодисментов...

НАТАША: Куда Ирка поскакала? Новый кавалер?

МАША: Старых разводит. Чтобы не случилось, как в прошлый раз...

ОЛЬГА: Тебе на чужие синяки грима жалко?

МАША: Представь, мне даже на свои жалко.

НАТАША: Ты-то при чем? Вот у Ирки — страсти!

АНФИСА: А на сцене — пельмень сибирский.

МАША: Ей современное играть — разморозилась бы. А так... Вечером пасьянсы раскладывает, а ночью в ресторане... не падая живота своего...

НАТАША: Она же вечно на диете?!

МАША: А танцу живота диета только в помощь.

ОЛЬГА (*приподнимает платье и подтягивает колготки*): Я бы тоже что-нибудь современное сыграла. В джинсах. Сил нет эти тряпки по полу волочить.

Кстати, я после Чехова себя плохо чувствую. Может, потому, что до меня в этом платье Галка играла?

МАША: Ну и что?

ОЛЬГА: Она же подвешенная. Нормальные люди в монастырь не уходят.

МАША: Нормальные люди в театре не работают. И при чем здесь платье?

ОЛЬГА: Правильно, в театре работают талантливые... А одежда впитывает ауру.

АНФИСА: Грязь она впитывает. Платью лет пять, а стирают — раз в пятилетку... Я костюмерше говорю: "Вы когда мое постираете?" А она мне — "Мойтесь почаще!"... Пойду завтра к Пете. Объясню, что в генеральском доме прислуга в чистом ходила...

Входит Петр.

ОЛЬГА (*завизжав, опускает подол*): Петр Никитич! Опять без стука?

АНФИСА: Легок на помине!

ПЕТР: Дамы, пардон... Ольга Викторовна, что случилось? Вы забыли, что вам во втором акте на сцену выходить?

ОЛЬГА (*приложив ладонь к воображаемому козырьку*): Разрешите получить замечание, товарищ худрук! Форс-мажор! Змейка разошлась. Искала шаль. (*Поворачивается к нему спиной, сбрасывает шаль.*)

ПЕТР: Ясно. А вы, Марь-Максимна, сегодня чересчур эмоциональны. Что за верхнее ля на ровном месте?

МАША: Петр Никитич, я старалась...

ПЕТР: Стараться надо дома с мужем. (*Ольге.*) А вы что ляпнули? "Андрей проиграл вчера в карты двести долларов". В Перми?! В тысяча восемьсот девяностом году?! Если у Чехова вы найдете хоть один доллар, я подарю вам сотню!

ОЛЬГА: Кстати, в зале никто не заметил.

ПЕТР (*всем*): Так, завтра в час дня — репетиция. То, что вы играете — это не классика, а порнография.

АНФИСА: Что поставили — то и играем.

ПЕТР: Анфиса Михална, если вы думаете, что вместо вас ввести некого...
ОЛЬГА: Петр Никитич, я завтра не могу. У меня во второй половине дня съемка.

ПЕТР: Перенесите.

ОЛЬГА: Петр Никитич, как я смогу...

ПЕТР: Вы у кого снимаетесь? У Тарантино?

ОЛЬГА: Вы же в курсе...

ПЕТР: Завтра — репетиция! Кто не понял — пишите заявление.

АНФИСА: Петр Никитич! Один вопрос! Я к юбилею торт буду заказывать... Как думаете, десять килограмм — хватит?

ПЕТР: А какой торт?

АНФИСА: "Графские развалины".

ПЕТР: Ну зачем же? Вы еще всем молодым фору дадите! Закажите лучше "Монастырскую избу". (*Наташе.*) Наталья Ивановна, можно вас на минутку? (*Выходит вместе с Наташей.*)

АНФИСА: Прибежал, раскомандовался... Император!

МАША: О! Закажите "Наполеон"!

АНФИСА: Я ему "Кутузова" закажу... На прощание. (*Пауза.*) Тьфу! Про костюмершу забыла! Ладно, завтра скажу...

МАША (*Ольге*): Ты чего визжала, когда Добрыня зашел? Он увидел что-то новое?

ОЛЬГА: Мне повизжать не трудно, а Наташке — спокойнее будет... Добрыня совсем озверел. "Съемку перенесите". Как он это представляет? И на черта мне репетиция? В сотый раз слушать про способ конструктивного действия, про надежду и отчаяние чеховских героинь? Мне за съемочный день платят больше, чем за месяц в театре.

МАША: Не переживай. У тебя на прошлой неделе и съемки были, и спектакли...

ОЛЬГА: Каждый день! Но съемки-то днем.

МАША: Каждый? (*Пауза.*) Ну, как-то сложится...

ОЛЬГА: Скоро я сложусь, как картонный домик...

Пауза.

МАША: У Наташки колечко новое видела?

ОЛЬГА: Не заметила.

МАША: Ну да, она когда в театр приходит — сразу его переворачивает, камушком вниз. Чтобы не пялились и не болтали о Добрыниных доходах.

АНФИСА: Да... Аренду раздает направо и налево. Не театр, а прокатная площадка.

ОЛЬГА: Колечко переворачивает, а вот загар не спрячешь. Сразу видно — солярий. Причем регулярно.

МАША: И тренажерный зал. Она недавно жаловалась, что хочет пару килограмм сбросить — и не получается.

ОЛЬГА: Могу ей новую диету рассказать: целый месяц ешь всё, что хочешь, но — на нашу зарплату. Минус пять кэжэ гарантирую.

МАША: А помнишь, какая она пришла, в девяностом?

ОЛЬГА: В девяносто втором. Ее тогда сразу в "Доходное место" ввели.

МАША: Во вьетнамских джинсах ходила и в кофточке из люрекса.

ОЛЬГА: Тогда люрекс, теперь — бриллианты. Любит блестящее.

АНФИСА: Девчонки, чего вы на нее набросились? Каждая из вас могла эти камушки заработать. Надо было перед Петрушей активнее задом крутить.

МАША: Чем?

АНФИСА: Доходным местом! *(Все трое хохочут.)* А вообще, десять лет пользоваться одним туалетом с худруком — еще не значит разбираться в системе Станиславского. *(Ольга и Маша смеются.)* Я когда сорок лет назад в театр пришла, примой была Матвеева. Народная, вся в орденах. Как поддаст — говорит: "Знаю я этого Станиславского. Юбочку повыше задерешь — и публика кричит: "Браво, Матвеева!" Вот и вся система".

Отсмеявшись, умолкают. Сидят за столиками, поправляют грим. Анфиса подливает себе из термоса. Маша начинает тихонько напевать.

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там в краю далеко
Буду тебе сестрой.*

Дальше тихо напевают все вместе:

*Милая моя,
Взял бы я тебя,
Там в краю далеко
Есть у меня сестра.
Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...*

МАША *(поежившись, набрасывает на плечи кофту):* Похолодало...

ОЛЬГА: Так Пасха скоро.

МАША: Ну и что?

ОЛЬГА: За неделю погода всегда портится.

МАША: Почему?

ОЛЬГА: "Кучки".

МАША: Какие кучки?

ОЛЬГА: Еврейские.

МАША: А что значит "кучки"?

ОЛЬГА: Не знаю. Кучки, тучки... Так называют. *(Встает.)* Пойду в костюмерную. *(Выходит из гримерки.)*

МАША: Вроде не она. А я про нее в первую очередь подумала...

АНФИСА: Из-за той истории? Вы же вроде помирились. Тем более — ничья. Ни тебе, ни ей.

МАША: Не помирились, а смирились. Столько лет прошло. Но — кто ее знает... Бывает, что вырванный зуб долго болит...

АНФИСА: И у тебя?

МАША: У меня пломба. *(Неожиданно поет.)*

Я отдала тебе,
Америка-разлучница,
того, кого люблю,
храни его, храни!

АНФИСА: Он что — в Америке?

МАША: То в Америке, то в Европе... Только в Африке не ставил.
На ее столике тренькает мобильный.

МАША: Алло! Да, Витя, могу. Антракт. *(Пауза.)* Павлик поел? *(Пауза.)* Уложи его пораньше. *(Пауза.)* Нет, сама доберусь. Пока. *(Кладет трубку на столик. Напевает.)* Там, в краю далеком, буду тебе женой...

АНФИСА: Маш, не сходи с ума. Ты что, мало в жизни соленой воды нахлебалась? Витя — деловой, с деньгами. Женится. Зачем тебе Вершинин? Голь перекатная... Хочешь, как Олька, прокладки рекламировать?

МАША: Надоело каждый день бизнес-планы слушать. Скушно.

АНФИСА: Тоже мне — Печорин! Скушно ей! Смотри, уже какой-то паперони объявился...

МАША: Паперони — это колбаса. А папарацци этого я на чистую воду выведу!

Анфиса Михална, можно глоточек?.. Для успокоения...

*Анфиса достает фляжку. Маша пьет, возвращает фляжку.
Звонит первый звонок. Входит Наташа.*

НАТАША: Только что Ирину видела с кавалером.

МАША: Да?! Ну и как он?

НАТАША *(Анфисе):* Что вы про торт говорили? Руины?

АНФИСА: "Графские развалины".

НАТАША: Во-во. Правда, не знаю, были ли в роду графья...

МАША: Старый?

НАТАША: Кажется, Ирка готовится к роли богатой вдовы.

МАША: Доиграется! Разведется с ней Владик.

НАТАША: Чтобы развестись, надо сначала жениться.

АНФИСА: Как? Они не расписались?

НАТАША: Разве что на стенке. А паспорт у нее чистый.

МАША: Значит, гражданский брак...

НАТАША: Скорее, военный.

Входит Ольга.

ОЛЬГА: Костюмерше позвонили — мастер пришел, телевизор чинить. Домой убежала и ключи не оставила.

МАША: Давай зашивать.

Достаёт нитку с иголкой. Ольга поворачивается к ней спиной, и Маша зашивает "змейку".

ОЛЬГА: Наташа, у меня завтра съемки — никак не вырваться...

НАТАША: Оля, театр — не жизнь, две роли сразу не сыграешь. И потом, завтра Петр Никитич такую новость объявит!

ВСЕ (хором): Ну?!

НАТАША: Нельзя. Я обещала. Ни-ко-му!

ОЛЬГА: Наташ, пожалуйста. Миленькая... Я умру до завтра!

НАТАША: И на съемки не пойдешь?

АНФИСА: Наташка, ну не томи!

НАТАША: По поводу новой постановки...

ОЛЬГА: Угадаю с трех нот. Кто-то из покойников. Шекспир. Или Гоголь Гонорар платить не нужно, а школьников — полный зал.

НАТАША: Дело не в том, КОГО будет ставить, а — КТО будет ставить.

АНФИСА: Пренеприятное известие — к нам едет ре... жиссер...

ОЛЬГА: Ну? И кто?

НАТАША: Лучше сядь, а то у Маши иголка в руках...

МАША: Наташ, у меня действительно иголка, так что ты рискуешь. Говори уже!

НАТАША: Только без угроз! Петр Никитич сказал...

Звенит второй звонок. В гримерку вбегают Ирина.

ИРИНА: Ой, кого я видела!!! В зале сидит...

АНФИСА: Кто?

ИРИНА: Я в кулисы пошла, хотела посмотреть, вернулся Влад в зал

или нет. Смотрю остороженько из-за занавеса и вижу — в зале сидит...
Знаете, кто?

ВСЕ (*хором*): Ира!!!

ИРИНА: Богомолв! Собственной персоной!

Пауза. Все молчат.

АНФИСА: Ты не обозналась? Ты же его живьем никогда не видела.

ИРИНА: Журнал видела, с фотографией. У Маши. Он там такой...
в кожаной куртке на фоне небоскребов.

МАША: Господи... Не может быть.

ИРИНА: Сейчас на сцену выйдем — сами посмотрите. В пятом ряду,
справа. В черном свитере.

АНФИСА (*Маше*): А ты говоришь — в Америке.

НАТАША: В зале он. Это и есть новость. Богомолв будет у нас ста-
вить бомбу.

ОЛЬГА: Название такое?

НАТАША: Название — неприличное.

АНФИСА: Как это — неприличное?

НАТАША: Ой, девчонки... (*Смеется.*) Мне же ничего говорить нель-
зя. Петр Никитич сам все скажет.

МАША: Он уже один раз поставил... с неприличным названием. По-
сле этого и пропал. На двадцать лет. С правом переписки...

АНФИСА: Ты про "Голого короля"?

ОЛЬГА: И с кем же он переписывался? С тобой, что ли?

*Третий звонок. Голос из динамика: "Все актеры, занятые в первой
картине второго акта, — прошу приготовиться к выходу".*

АНФИСА (*встает, крестится*): Ну, хватит о суетном. Пошли на сцену.

*Маша и Оля бросаются к зеркалам, опять поправляют прически,
грим и костюмы.*

АНФИСА: Эй, сестры! Хватит красоту наводить! Он все равно вас
еще увидит, причем без грима... Вы, главное, текст не забудьте.

*Маша и Оля одновременно плюют через плечо и вслед за Анфисой
выходят из гримерки.*

ИРИНА: Наталья Ивановна, скажите, что за пьеса? Бомба импорт-
ная? Или отечественного производства?

НАТАША: Ира, я и так получу нагоняй.

ИРИНА: А женских ролей сколько? Я на главную, конечно, не пре-
тендую, но... Наташа, замолвите за меня словечко!

НАТАША: Перед кем? Тут решать будет Богомолв.

ИРИНА: А мне кажется, что в нашем театре все решает другой человек.

НАТАША: Ладно, попрошу. Но без гарантий.

ИРИНА: Знаете, я когда долго не выхожу на сцену, начинаю играть дома. Для кошки. Для вещей. И роли себе придумываю... странные... Снега, дождя, травы под этим дождем... Солнца, которое эту траву сушит... Как этюды на экзаменах. Не могу без театра. У вас такое бывает? Вы одна играете?

НАТАША: Нет. Мне нужен зритель. Хотя бы один. Зритель для актера — воздух для самолета... Самолет без воздуха не полетит, только ракета. Ты, Ирочка, наверно, реактивная.

Голос из динамика: "Исполнительница роли Наташи — на сцену!". Наташа идет к выходу. Ирина приподнимает подол — она обута в кроссовки.

ИРИНА: Ой, ёлки... Я сейчас.

НАТАША: Давай быстрее.

ИРИНА: Ничего, у меня еще пять минут.

Наташа выходит. Ирина набирает номер на мобильном и говорит, одновременно переобуваясь.

ИРИНА: Алло! Ленка? Спасибо, все получилось. Классная фотография. Доказательство на лице! Даже на двух. А у меня — алиби!.. Она чуть со сцены не упала, когда увидела. *(Пауза.)* Мне зачем?!. Вечно замечания делает! *(Передразнивает.)* "Ирочка, генеральская дочка не может смотреть на мужчину так плотоядно. Ее воспитывали в строгости". *(Нормальным голосом.)* Всё, проехали. С меня — "Рафаэлло". Кстати о конфетах... Театр в театре — Влад с Олегом чуть не столкнулись. *(Пауза.)* Да, с этим надо кончать... Вопрос — с кем из них? *(Смеется.)* Ленка, ты дура!.. "Если бы губы Никанора Ивановича да к носу Ивана Кузьмича..." Ой, еще новость! Ты стоишь? Сядь... Приехал сам Богомолов! *(Пауза.)* Кто это?! Теперь я сяду... Да-а, далеки мы от народа... Режиссер, знаменитость! Второй Эфрос. *(Пауза.)* Эфрос кто? Долго объяснять... В общем, классный мужик, и я буду у него играть! *(Пауза.)* Как это — не назначит? Куда он денется?! Меня же в строгости не воспитывали! *(Пауза.)* Кажется, нет. Завидный жених!

Из динамика раздается голос: "Ирина — на сцену".

ИРИНА: Ой, Ленка, мой выход! Пора бежать. Пока!

Ирина отключает телефон, гасит свет и выходит.

Приглушенно слышны музыка и аплодисменты.

Картина II

Кабинет художника. Входит Петр Никитич.

ПЕТР (*секретарю в приемной*): Меня ни с кем не соединять!

Садится к телефону, набирает номер.

ПЕТР: Сережа, привет! Ты узнал, что я тебя просил? (*Пауза.*) Да, явился. Вчера на спектакль. Тень Гамлета-старшего... Не знаю, еще не делись. (*Пауза.*) Сам позвал. Ну и что? Из вежливости. Тещу тоже зовут в гости, но это не значит, что ее хотят видеть! (*Пауза.*) Старая дружба? Не ржавеет. Но высыхает, как мумия... Что же он десять лет из Лондона с Парижем не вылезал, а меня никуда не вытащил? Даже в Болгарию. Мол, так да так, друг, режиссер хороший... (*Пауза.*) Пьесу прислал... Стыдно вслух произнести. (*Пауза.*) Худруком? У меня? Два медведя в одной берлоге? (*Пауза.*) Спектакль снимают или хотят снять? (*Пауза.*) Опять из-за политики? Главное — узнай, из-за чего. Мало ли... Может, Павел тут и не при чем... (*Звонит мобильный.*) Секунду. (*Берет мобильный.*) Алло! Витенька, подожди минутку... (*В трубку.*) Извини... Ну, договорились? Только не слухи, а чтоб точно всё... За мной не заржавеет.

Кладет трубку, берет мобильный.

ПЕТР: Да. (*Пауза.*) Аренда мне нужна, но партийцы твои... Сегодня съедутся, завтра в оппозицию уйдут, а послезавтра со мной контракт не подпишут... Сам понимаешь. (*Пауза.*) При чем здесь американец? Я, кстати, сначала кассету попросил с его шоу... прости, Господи, — проповедью. (*Пауза.*) Кстати, деньги заплатили, как за Киркорова. И целый ряд для артистов оставили. (*Пауза.*) Про что? Про любовь. Христианство — вера лирическая. Не знаю, возлюбят ближнего, как самих себя, но мастерству поучились. (*Пауза.*) Нет, Витя, не могу. Певцов, гипнотизеров, юбилей фирмы — пожалуйста... Мне все равно, нал или безнал, лишь бы цена была. А вот с оранжевыми, розовыми, голубыми — иди лучше в оперный... от греха подальше.

В кабинет входит Павел.

ПЕТР: Так, Вить, я тебе перезвоню. (*Выключает мобильный. Встает навстречу.*) Здра-а-авствуйте, Павел Андреевич!

ПАВЕЛ: Здра-а-авствуйте, Петр Никитич!

ПЕТР (*подчеркнуто вежливо*): Присаживайтесь. Чего ж не позвонили заранее? Я бы встретил. На спектакль пришли, а ко мне не заглянули... Народный артист, режиссер московских театров, лауреат таких премий, что и не выговорить, — а сидите в зале, как простой инженер... Я подсуетился, коньяк открыл, стаканы протер... Ждал-ждал, а вы так и не объявились. Неужели заблудились?

ПАВЕЛ (*с иронией*): Не поверишь, Петр Никитич... "Я шел к тебе, но, проходя перед трактором, услышал скрипку...". То есть мобилку. Звонили из Москвы. Зацепился... Потом подумал — может, тебя и нет?

ПЕТР: Ладно, Моцарт. Не хотел — не зашел.

Обнимаются. Хлопают друг друга по плечам.

ПЕТР: Как доехал?

ПАВЕЛ: Спальный вагон повышенной комфортности. Напитки, как в самолете, на шару. Правда, отопление отключили...

ПЕТР (*достает из шкафа бутылку коньяка и бокалы*): Сейчас тебя согреем! (*Открывает бутылку.*)

ПАВЕЛ: А вчерашний — выдохся?

ПЕТР: Да. В присутствии художника и завлита.

Павел прохаживается по кабинету, рассматривает фотографии на стене.

ПАВЕЛ: Стена плача. Скольких уже нет... О! И я тут! Не ожидал.

ПЕТР: Характер у вас, Павел Андреевич, отвратительный... но мы любим вас не только за это.

ПАВЕЛ (*смотрит на фото*): Какой год?

ПЕТР: Восемьдесят третий. Юбилей Васильева. Пятьдесят.

ПАВЕЛ: Надо же! Мне он тогда стариком казался...

ПЕТР: Не про нас сказано... Ты, кстати, как юбилей отмечать соби-
раешься?

ПАВЕЛ: Дожить бы... Вообще, я не любитель юбилеев. В них что-то есть от панихид...

ПЕТР: Чего так грустно? Полтинник — промежуточный старт.

ПАВЕЛ: Для кого старт, для кого — финиш.

ПЕТР: Ты пессимист? Давно?

ПАВЕЛ: Недавно. А ты как отмечать будешь?

ПЕТР: Реалистично-прагматично. Адреса в кожаных папках, картины "Утро в сосновой роще"... штуки три... банкет, торт — без свечек, чтобы пожара не было. Все по традиции.

ПАВЕЛ: Не скучно?

ПЕТР: Стабильно... (*Пауза.*) Как мама?

ПАВЕЛ: Нормально. Скрипит по возрасту... Привыкла к Москве, да-
же акцент появился. Привет тебе передавала...

ПЕТР: Спасибо.

Звонит телефон, Петр снимает трубку.

ПЕТР: Я же сказал — не соединять! (*Пауза.*) Драматург? Тем более, меня нет. (*Пауза.*) В Париж, по делу, срочно.

Петр кладет трубку, наполняет бокалы, один вручает Павлу.

ПАВЕЛ: У тебя закусить не найдется? А то как-то...

ПЕТР: Найдется.

Достает из шкафа блюдо, на котором лежит половинка яблока и ножик.

Аккуратно отрезает от половинки два ломтика, один из них протягивает Павлу.

ПАВЕЛ (*поднимает бокал*): Ничего, что в рабочее время?

ПЕТР: А у нас ненормированный рабочий день.

Чокаются.

ПЕТР: Да, Паша, удивил ты меня. Я тебя сколько раз звал, ты мне в ответ свой график рассказывал: Париж, Женева... А вчера говорят — в зале сидит! Так просто! (*Пауза.*) Ну, за возвращение.

ПАВЕЛ: Лучше — за встречу!

Выпивают.

ПАВЕЛ: А вообще как дела?

ПЕТР: Нормально. Кручусь. А в целом... Как и по стране... А ты, медведь-шатун, почему столько лет без своего театра?

ПАВЕЛ: Не медведь, а волк. Одинокий. Как все мы.

ПЕТР: Не все. Я стаю люблю.

ПАВЕЛ: Значит, ты — исключение...

ПЕТР: И все-таки?

ПАВЕЛ: Театр возглавить? Предлагали. И сейчас веду переговоры... С таким громким названием, что говорить не хочу...

ПЕТР: А может, вернешься? Будешь худруком, я — директором...

ПАВЕЛ: Да? Два медведя в одной берлоге?..

Немного затянувшаяся пауза.

ПАВЕЛ: Хороший коньяк.

ПЕТР: Французский-то лучше?

ПАВЕЛ: ...И спирт отечества нам сладок и приятен.

Пауза.

ПЕТР: Ну, рассказывай. Чё приехал?

ПАВЕЛ: Как это — чё? Ты же звал! Говорил: "Приезжай, ставь!.."

ПЕТР: И ты все бросил?..

ПАВЕЛ: Честно? Домой потянуло. Где начинал... По сцене этой походить захотелось...

ПЕТР (*перебивает*): Оставь для интервью. Журналисты набегут, им и расскажешь — про дым и спирт... Я серьезно: по-че-му?

ПАВЕЛ: Seriously — хочу поработать. Без суеты. Пустишь?

ПЕТР: Ну чего же не пущу? Сам звал...

Петр открывает шкаф, достает пепельницу, ставит перед Павлом.

ПАВЕЛ: Бросил.

ПЕТР: Тогда точно сработаемся. У меня зона, свободная от никотина. За курение штрафую, вплоть до увольнения.

ПАВЕЛ: Строг, боярин... Сам по молодости дымил, как броненосец "Потемкин"!

ПЕТР: Как-то сон увидел... Проснулся — и всё.

ПАВЕЛ: Что снилось? "Мертвые вдоль дороги с косами стоят..."

ПЕТР: Да нет... Как говорила бабушка, не про нас сказано... *(Пауза.)* Ты все-таки правду скажи — чё приехал? Может, кроме меня еще кто-то позвал?.. Знаешь, она так ни за кого и не вышла...

ПАВЕЛ: Знаю... И за тебя тоже... Да нет, не поэтому. *(Пауза.)* Петя, спектакль — как выдох. Каждый раз боюсь, что последний... *(Пауза.)* Дай вдохнуть... родного воздуха... Хочу спокойно поработать... не на витрине...

ПЕТР: Какой витрине?

ПАВЕЛ: Где манекены стоят. Голые. А за стеклом — толпа... Отдохнуть хочу. Подальше от мэтров... сантимэтров... миллимэтров... всей этой критической массы...

ПЕТР *(наливает):* Понял. Хочешь творческого убежища — получишь. А что ставить будешь?

ПАВЕЛ: Ты разве пьесу не получил?

ПЕТР: Получил. Думал — розыгрыш.

ПАВЕЛ: Нормальная пьеса.

ПЕТР: Справочник по анатомии. Даже — по гинекологии.

ПАВЕЛ: Ты читал?

ПЕТР: Смотрел.

ПАВЕЛ: По диагонали?

ПЕТР: По гипотенузе! Паша, мы с тобой в историю попадем.

ПАВЕЛ:

Где были вы в картечь, где вы скрывались молча,

В дни страшных сабельных потерь,

Когда великий сброд, а с ним святая сволочь

В бессмертье взламывали дверь...

ПЕТР: Твои?

ПАВЕЛ: Да... Под псевдонимом Огюст Барбье.

ПЕТР: Не подавляй интеллектom. Я про другую историю.

ПАВЕЛ: С географией?

ПЕТР: С порнографией! Мне названия хватило. Я как афиши себе представил...

ПАВЕЛ: Такие афиши, Петя, по всему миру!.. В Лондоне она пять лет идет. Недавно в Москве поставили.

ПЕТР: Ты, Паша, пока по лондонам и парижам ездил, забыл, какая она — родина... Малая... У нас на такой спектакль никто не пойдет.

ПАВЕЛ: Чтобы зритель пошел, нужна бомба. А эта пьеса — супер-бомба! И затрат — по минимуму. Никаких декораций. Четыре актрисы...
Петр нервно дергает ящики стола, находит экземпляр пьесы, бросает его на стол. Потом подливает себе и Павлу коньяк.

ПЕТР: У нас нет актрис, которые произнесут этот текст. Можем поспорить.

ПАВЕЛ: Спорим!

Чокаются. Выпивают.

ПЕТР: Водички хочешь?

ПАВЕЛ: Французы в такой ситуации говорят: "Воду — лягушкам!"
Петр отрезает еще два ломтика от яблока, один протягивает Павлу.

ПЕТР (*показывает на пьесу*): Паша, я тебя прошу, не надо. Возьми лучше классику.

ПАВЕЛ: Какую?

ПЕТР: "Чайку".

ПАВЕЛ: Петя, над страной стаи летают! Птичий грипп какой-то... У одного Аркадина — наркоманка. У другого Треплев в балетных панталонах. Тригорин голубой — аж синий... Еще один новатор все семейство в алкоголики записал... вместе с приходящей Заречной... Пора за постановку почетный знак давать — серебряную птичку. За "Вишневый сад" — вишенку. За "Три сестры"...

ПЕТР: Гусары, молчать!

ПАВЕЛ: Молчу...

Выпивает.

ПЕТР: А что ж ты по телевизору в передаче этой... забыл... Ты говорил, что Чехов — это бездонное море, поэтому его надо ставить и ставить...

ПАВЕЛ: Я? Говорил? (*Пауза.*) Говорил. (*Пауза.*) Знаешь, что на каждом театре высечено? "Забудь о правде, всяк сюда входящий"...

Стук в дверь. Входит Ирина.

ИРИНА: Петр Никитич, здравствуйте! (*Видит Павла.*) Ой!.. Добрый день. Извините... Петр Никитич, вы нас где собираете, в репетиционной?

ПЕТР: Во-первых, спроси у помрежа. А во-вторых...

ИРИНА: Спасибо, извините. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

ПАВЕЛ: Подождите! *(Петру.)* Мы поспорили?

ПЕТР: Паша, я тебя умоляю!..

ПАВЕЛ *(подходит к Ирине):* А что? Прямо сейчас и проверим!

ПЕТР *(вздыхнув):* Ну хорошо... Ирочка, знаешь ли ты, кто перед тобой?

ИРИНА *(кокотливо):* Да, я узнала.

ПЕТР: Знаменитый режиссер-передвижник. Можешь потрогать. Еще шевелится.

Ирина изображает смущение. Павел берет пьесу.

ПАВЕЛ: Видите ли, Ирина...

ИРИНА: Владимировна.

ПАВЕЛ: Ирочка, Петр Никитич уверяет меня, что ни одна актриса в вашем театре не сможет играть в этой пьесе. Почитайте нам, пожалуйста. *Ирина берет пьесу, смотрит на заглавный лист, на Павла, потом на Петра.*

ПЕТР *(с сарказмом):* Да, Ирочка, это не шутка, это пьеса так называется.

ИРИНА *(изумленно):* Монологи... *(Затинается.)*

ПЕТР: Ну вот, проблемы даже с названием.

ИРИНА: Почему? *(С выражением.)* "Монологи вагины". *(Переворачивает первую страницу.)*

ПЕТР: Нет, не сначала. *(Берет пьесу, листает, показывает место на странице.)* Отсюда начинай.

ИРИНА: "Вот так я и решила разговаривать с женщинами об их..." *(Молчит, потом начинает сначала.)* "Вот так я и решила разговаривать с женщинами об их влагалищах, делать "вагинальные интервью", которые переросли в "Монологи влагалища". Я разговаривала с двумястами женщинами. Сначала они стеснялись. Но чем дольше мы беседовали, тем труднее их было остановить!" *(Кокотливо смотрит на Павла.)* Ну как?

ПАВЕЛ *(Петру):* Вот видишь?

ПЕТР: Нет, ты дальше читай!

Ирина некоторое время читает про себя, потом решается.

ИРИНА: "Давайте просто начнем..." *(Кашляет.)* Водички можно?

ПЕТР: Нет у меня водички. Читай на сухую.

ИРИНА: "Давайте просто начнем с самого слова "влагалище". Оно звучит как инфекция, в лучшем случае напоминает медицинский инструмент..."

ПЕТР *(перебивает):* Всё, хватит. Иди.

ИРИНА: А можно я еще почитаю?

ПЕТР: "Где твой румянец, стыд?!" Иди!.. Шекспира повторяй. Молодежь выбирает порно...

ИРИНА: До свидания, Павел Андреевич. (*Уходит.*)

ПАВЕЛ: Ты prospорил.

ПЕТР: Чтобы тебе понравиться, она "Луку Мудишева" с выражением прочитает...

ПАВЕЛ: А вообще, она ничего. Кажется, способная.

ПЕТР (*с сарказмом*): И не замужем.

ПАВЕЛ: Мне ее семейное положение — без разницы.

ПЕТР: Да, это для тебя никогда роли не играло... Ассистент по актрисам...

ПАВЕЛ: Я бы попросил...

ПЕТР: Нет, Паша, серьезно: ты хочешь ставить эту порнографию?

ПАВЕЛ: Петя, не будь ханжой. Эта пьеса — о женщинах, о самой их сути, их естестве, природе, душе...

ПЕТР: "Монологи вагины" — о душе?!..

ПАВЕЛ: Да! Если бы ты прочел всю пьесу, а не полстраницы, ты бы понял!.. Конечно, это — провокация. Но главное в ней — внутренняя свобода!.. Кстати, в песне "Вышли мы все из народа", слово "народ" — эвфемизм.

ПЕТР (*с сарказмом повторяет*): Эвфемизм... Паша, спустись на землю! Они не смогут это играть. И ходить на такой спектакль никто не будет. Это не Москва!

ПАВЕЛ: Пойдут! Сам знаешь — в театр ходят подсматривать.

ПЕТР: Да. Но превращать свой театр в баню я не дам.

ПАВЕЛ: Значит, боишься?

ПЕТР: Представь себе, боюсь! Это ты, Паша, — театральный деятель. А я — делатель. Я этот театр пятнадцать лет держу. Денег нет, мужики уходят. Те, что остались, подрабатывают клоунами на утренниках, на свадьбах тамадят... Двое молодых, стыдно сказать, стриптизят в женском клубе. А вчера одного выгнал... Ладно, выпивают после спектакля. Не дай Бог — до. Совершенно недопустимо — во время... Но вместо?! Такое у меня в первый раз... Чудом замену нашли. (*Пауза.*) А бабы?.. (*Подливает себе коньяк, вытирает.*) Будешь ставить спектакль о женской душе? Покомандуй этими душами...

ПАВЕЛ: Я, по-твоему, сегодня в первый раз в театр со служебного входа зашел?

ПЕТР: Не-е-ет, Паша, ты по чужим театрам ходишь. Поставил, тебе поаплодировали — звоните, пишите... Что там каждый день делается — тебя не волнует. А я тут кручусь... Потому что моя задача — найти на каждое кресло достойную задницу.

ПАВЕЛ (*с иронией*): Как нас учили: "Чем больше зрителей в зале, тем меньше заключенных в тюрьмах" ...

ПЕТР: Больше зрителей — больше денег! Больше актерам к отпуску подброшу...

ПАВЕЛ: А зритель?

ПЕТР: А зритель хочет прийти, снять тесные туфли, прилепить жвачку к ножке кресла и отдохнуть!.. Да, нам нужен хороший спектакль, громкое имя. Но не скандал.

ПАВЕЛ: А мне он зачем?

ПЕТР: Может, для рекламы. Один раз скандал уже сделал тебя знаменитым.

ПАВЕЛ: Что ж ты тогда за больничным листом от рекламы спрятался? Сальери хренов...

Павел резко встает и идет к двери.

ПЕТР: Павел, ты меня не так понял.

ПАВЕЛ: Да пошел ты!

В дверях сталкивается с Анфисой.

АНФИСА: Пашенька! Здравствуй!

Они с Павлом обнимаются, целуются.

ПАВЕЛ: Сколько зим!..

АНФИСА (перебивает): А сколько лет! Скоро юбилей буду отмечать. Ты к нам надолго?

ПАВЕЛ: Да вот... Пока не знаю. (*Смотрит на Петра.*)

АНФИСА: Мальчики, вы что, опять поругались? Двадцать лет прошло, а вы — такие же...

ПАВЕЛ: Мальчики... Полтинники уже, Анфиса Михална.

АНФИСА: Для меня — мальчики. Помните, как мечтали свой театр сделать?

ПЕТР (примирительным тоном): "Петропавловскую крепость"?

ПАВЕЛ (мрачно): И я... все помню...

АНФИСА: Все — не нужно. Только хорошее.

ПЕТР: Анфиса Михайловна, вы что-то хотели?

АНФИСА: Петр Никитич, миленький, разберитесь с костюмершей! Не стирает! Все грязное... Я ей говорю: "Сколько можно в этом ходить?". А она мне: "Мойтесь почаще!"

ПЕТР: Хорошо, разберусь. А вы бы, Анфиса Михална, не дерзили худруку.

АНФИСА: Когда?!

ПЕТР: Вчера, в примерке.

АНФИСА (Петру): Больше — никогда! (*Павлу.*) Как ты? Где сейчас?

ПАВЕЛ: Хотел у вас поработать.

ПЕТР: Будет продолжение "Голого короля" ставить... "Голую королеву".

АНФИСА: Есть такая пьеса?

ПЕТР (Павлу): О, попроси Анфису Михайловну почитать! Про женскую душу...

АНФИСА: С удовольствием.

ПАВЕЛ: Понимаете, я хочу поставить пьесу... Это популярная пьеса... С успехом идет в Европе...

ПЕТР (смеется): Давай, Павел Андреич! Не робей. Ближе к телу!

ПАВЕЛ: Она называется "Монологи вагины".

АНФИСА (неуверенным тоном): Это в смысле... Я не поняла...

ПЕТР: Нет, вы все правильно поняли. В том самом смысле.

ПАВЕЛ: Анфиса Михайловна, на самом деле в этой пьесе нет ничего пошлого! Я хочу, чтобы вы попробовали почитать.

Протягивает пьесу Анфисе.

ПЕТР (вскакивает с места): Можно я выберу? (*Пытается отнять пьесу у Павла.*)

ПАВЕЛ: Нет, я сам.

Тянет пьесу к себе. Петр — к себе. Ведут себя так, будто стали в два раза моложе.

АНФИСА: Петя! Паша!

ПАВЕЛ: Хорошо, пусть Анфиса Михайловна сама выберет.
Анфиса открывает текст, молча читает. Смотрит на Петра и Павла. Поворачивается к ним спиной. Листает пьесу. Снова читает про себя. Хохочет.

ПЕТР: Что?

АНФИСА: Нет, я найду другое... (*Опять листает.*)

ПАВЕЛ: Анфиса Михайловна!

АНФИСА (после паузы): Ладно. (*Поворачивается к ним лицом, читает.*) "Он изучал меня там больше часа, как будто это была карта или луна, как будто он смотрел мне в глаза, но так он изучал мое вла...". (*Останавливается.*) "Мое вла...". (*Пауза.*) Паша, зачем нам это? Может, поставишь что-нибудь из классики? "Чайку", например...

ПАВЕЛ: Лучше чайку... с лимоном... Анфиса Михайловна, вы никогда не думали о том, что для некоторых понятий у нас нет нормальных слов? Или медицинский термин, или ругательство. Вам трудно читать этот текст? Так ведь пьеса именно об этом! О ханжестве. О лицемерии.

АНФИСА: Извини, Паша, это — без меня. У нас актрис много, найдешь кого-нибудь.

ПАВЕЛ: Анфиса Михайловна! Вы можете сыграть всё!

АНФИСА: Ты знаешь, как я дома текст учу? С Миронычем. Он мне реплики подает. (*Смеется, машет на Павла рукой.*) Смех и грех... (*Уходит.*)

ПЕТР: Счет один — один. (*Листает пьесу.*)

ПАВЕЛ: Перестань. Не столько они стесняются читать, сколько ты стесняешься слушать.

ПЕТР: Потому что это пошлость.

ПАВЕЛ: Пошлость — плохой вкус одного человека в представлении другого.

ПЕТР: Кто сказал?

ПАВЕЛ: Сам придумал... Ой, как у вас в провинции все запущено!..

ПЕТР: Только не начинай арию московского гостя!

Пауза. Петр листает пьесу.

ПАВЕЛ: А Анфиса?! Слово произнести не может!.. Забыла, как раньше выражалась!

ПЕТР: Было дело... Но теперь при ней даже чертыхаться нежелательно.

ПАВЕЛ: За Мироныча она боится... Помню, как он чуть не повесился, когда она к Васильеву хотела уйти.

ПЕТР: Васильев... Когда это было?! А деда с того света вернула. Каждое воскресенье в церковь ходит.

ПАВЕЛ: Грехи замаливает...

Петр отодвигает пьесу и наливает в бокалы коньяк.

ПЕТР: Ладно. Пытайся. Ставь свои "Монологи".

ПАВЕЛ: Они не мои, а...

ПЕТР: Гусары, молчать!

Смеются, чокаются и выпивают.

ПЕТР: Только учти — по столичным расценкам я платить не могу.

ПАВЕЛ: Договоримся.

ПЕТР: И еще — я актрис убеждать не собираюсь.

ПАВЕЛ: Не беспокойся, сам убежу.

ПЕТР: Убежишь? Опять? (*Пауза.*) Прости за каламбур... Кого проповать будешь?

ПАВЕЛ: Шерше ля фам... Четверых. Нужны молодая, пожилая и две — лет сорока. На пожилую все-таки хочу Анфису. Уговорю. Остальные... Кого посоветуешь?

ПЕТР (*пожимает плечами*): Смотри всех.

ПАВЕЛ: На всех у меня сил не хватит. (*После паузы.*) Может, Маша? Или Ольга?

ПЕТР: Не боишься?

ПАВЕЛ: Чего?

ПЕТР: Второй раз... в ту же реку...

ПАВЕЛ: Да я еще ничего не решил... А вчера в "Сестрах" кто Наталью играл?

ПЕТР: Наташа. Моя жена.

ПАВЕЛ: А-а-а... Я так и думал. А дети?

ПЕТР: Дочке скоро десять. (*Пауза.*) Только я прошу — Наташу к своим душевным монологам не привлекай.

ПАВЕЛ: Начинается!.. Почему?

ПЕТР: Потому!

ПАВЕЛ: Убедительно.

Звучит мелодия мобильного. Павел выхватывает телефон из кармана.

ПАВЕЛ: Алло! Алло, не слышно!!! (*Мечется по кабинету, бормочет.*) Не ловит... (*Кричит.*) Алло! (*Выскакивает из кабинета. Слышны его крики из-за двери.*) Алло! Это ты? Тебя не слышно! Перезвони мне! Перезвони, пожалуйста!!! (*Возвращается в кабинет, говорит очень раздраженно.*) Где у вас можно нормально поговорить? Сигнал пропадает!

ПЕТР: Что ты волнуешься? Не слышно — перезвонят...

ПАВЕЛ: Могут и не перезвонить.

ПЕТР: Успокойся. Давай еще по одной.

Вытывают.

ПЕТР: А ты не изменился. Ассистент по актрисам... Недавно подслушал, как они в гримерке твое интервью обсуждали. В каком-то журнале, про Нью-Йорк... Чё там делал?

ПАВЕЛ: Хэмингуэя ставил. "Снега Килиманджаро".

ПЕТР: То, с чего мы начинали?.. (*Цитирует по памяти.*) "Килиманджаро — высшая точка Африки. У самой вершины западного пика лежит иссохший труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может"...

ПАВЕЛ: Садись, пять.

Открывается дверь, вбегает Ирина.

ИРИНА (*затыхавшись*): Петр Никитич...

ПЕТР: Ира, вы еще читать хотите?

ИРИНА: В туалете!

ПЕТР: С ума сошли?

ИРИНА: Трубу прорвало! Костюмерную заливает!

ПЕТР: Выносите всё!

ИРИНА: Куда?

ПЕТР: В коридор, в зал... Куда угодно!!!

Ирина выбегает. Павел идет за ней.

ПЕТР: Ты помнишь, где?

ПАВЕЛ: Не заблужусь. (*Выходит.*)

Петр снимает трубку, набирает номер.

ПЕТР: Алло! Аварийная?

Гаснет свет.

Картина III

Зажигается свет. На сцене в беспорядке расставлены стулья, ящики. В центре — дверь в костюмерную. Из нее выбегает Маша с охапкой одежды в руках. Мечется по сцене, не зная, куда ее положить.

Входит Павел. Маша застывает на месте. Павел тоже. Молча смотрят друг на друга.

Из двери, откуда вышла Маша, появляется Ольга. Ее руки тоже заняты костюмами, на голове — смешная шляпа с огромными полями. Увидев Павла, она останавливается. Павел поворачивается к ней. Ольга пытается снять шляпу, удерживая ворох костюмов одной рукой. Снимает шляпу, но роняет костюмы. Павел их собирает.

Вбегает Петр.

ПЕТР: Маша, чего застыла?! Там же все залет!

МАША: Куда складывать?

ПЕТР: На стулья. (*Скрывается за дверью.*)

Павел и Ольга собирают упавшие костюмы. Маша, бросив все на стулья, убегает за Петром. Из костюмерной выходит Наташа — она несет в каждой руке по паре сапог.

НАТАША (Павлу): Здравсьте...

ПАВЕЛ (официальным тоном): Здравствуйте, Наталья... простите, не знаю по батюшке...

Появляется Петр, он тащит большую коробку.

ПАВЕЛ: Петр Никитич, может, ты меня представишь?

ПЕТР (запыхавшись): Пашка, я тебя убью! А потом представлю... (*Снова убегает в костюмерную.*)

Павел целует Наташе руку, в которой она держит сапоги.

ПАВЕЛ: Павел Андреевич. Можно просто Паша. Друг детства вашего невоспитанного мужа.

НАТАША: Наталья Ивановна.

ПАВЕЛ: Позвольте... *(Забирает у Наташи сапоги, пристраивает их возле ящика.)*

За сценой слышен крик Петра: "Девочки, миленькие, быстрее! Маша, позови монтеров, пусть тоже носят. И охранников всех — сюда".

Наташа убегает в костюмерную. Павел идет вслед за ней, но навстречу ему выходит Ирина. Она несет перед собой большой тюк, из-за которого ничего не видит перед собой, и поэтому натывается на Павла.

ИРИНА *(кричит):* Ё-моё, да уйди же с дороги!

Павел заглядывает за тюк справа, слева.

ПАВЕЛ: Где вы? Разрешите? *(Забирает у нее тюк.)*

ИРИНА: Ой, Павел Андреевич! Извините... я тут... неприлично выразилась...

ПАВЕЛ: Ничего страшного.

Ирина скрывается за дверью. Павел тащит тюк в угол. Из костюмерной выходит Ольга. В этот момент опять раздается крик Петра:

"Вода!.. Проводка!.. Надо обесточить!". Гаснет свет.

В темноте раздаются женские голоса: "Ирка, ты где?", "Ой, мамочки!", голос Павла: "Нет, Наталья Ивановна, наступите вы, иначе посоримся, а у меня на вас большие планы...". Слышен смех Ирины, потом снова голос Павла: "Извините... Позвольте ручку... Ах, это ножка?". Слышен грохот — кто-то опрокинул стул.

МАША *(перекрикивая всех):* Тихо, не орите! *(В наступившей тишине.)* Павел Андреевич, дайте, пожалуйста, спички. Или зажигалку.

ПАВЕЛ: У меня нет. Бросил.

МАША: Тьфу...

В темноте появляется огонек — это Ольга зажгла спичку. Видно, как Ирина несет на вытянутых руках какие-то тряпки, с них капает вода.

ИРИНА: Куда мокрое класть?

В тишине слышен шум льющей воды. Спичка гаснет. Ольга зажигает следующую.

ОЛЬГА: Последняя. Есть у кого-нибудь еще?

ИРИНА: Нету.

ОЛЬГА *(с иронией):* Знаете, у нас в театре никто не курит. Пожара боимся...

Спичка гаснет. Раздается нервный, но дружный хохот.

Картина IV

Несколько дней спустя.

Театральный буфет. По залу расставлены столики и стулья.

Стены украшены искусственными цветами.

За дверным проемом виден угол барной стойки.

Входят Наташа и Ирина. У обеих в руках — подносы с чашками и тарелками. Актрисы садятся за столик.

ИРИНА: ...А по-моему, нормальный текст.

НАТАША: Нормальный?!

ИРИНА: Ну, не так чтобы нормальный... Но ничего ужасного нет. А наши уперлись. Анфиса устроила шоу — нашла валидол, стала таблетку из упаковки выковыривать... Маша с Ольгой сели по разным углам, друг на друга не смотрят...

НАТАША: Да... Они вечно ругаются, а теперь, когда Богомоллов приехал...

ИРИНА (*делает "большие глаза"*): При чем тут он?

НАТАША: А то ты не знаешь?!

ИРИНА: У них что-то было?

НАТАША: Что-то! Он тогда на Маше жениться собирался. Она за свадебным платьем в Москву поехала. А тут — Ольга... Машка вернулась, а платье — без надобности... Потом был скандал из-за спектакля, и он уехал.

ИРИНА: А потом?

НАТАША: Суп с котом... Говорят, что Олю звал. Но она не поехала. Может, конечно, и звал. А может, она сочинила. Чтоб не так обидно...

ИРИНА: А почему не поехала?

НАТАША (*передразнивая Ирину*): А потому! (*Сердито.*) Хочешь все знать? Спроси Ольгу!

ИРИНА: Да я так... Интересно. Она зимой и летом — одним цветом... В джинсах. А сегодня вдруг — новый костюмчик!.. Сидит на ней, как на корове седло, правда?

Наташа молчит.

ИРИНА: А может, он все-таки из-за Ольги вернулся?

НАТАША: Чё ты так решила?

ИРИНА: Ну... Он — звезда, его на части рвут, и вдруг приехал в нашу дыру...

НАТАША: Может, уже и не звезда? Я в интернете читала — его последнего постановку критики разнесли в щепки. Вроде спектакль закрывать собираются.

ИРИНА: Правда? *(Пауза.)* Ну и что? Мало ли, что критика пишет? Это же не спорт. Не дисквалифицируют. Все равно знаменитый. *(Пауза.)* А почему его зовут "ассистент по актрисам"?

НАТАША: Он в молодости на киностудии подрабатывал. Ассистентом по актерам. Но многим казалось, что больше по актрисам... *(Пауза.)* Ладно об этом... Ир, Петр Никитич просил подумать, что Анфисе на юбилей подарить.

ИРИНА: Сервиз!

НАТАША: Ей на прошлый три подарили. От губернатора, от спонсоров...

ИРИНА: Вычеркиваем...

НАТАША: Может, вазу? Будет память. И красиво, и практично...

ИРИНА: Скучно... Подарок надо придумать. Узнать потихоньку, что имениннику хочется, но чего он сам себе не купит...

Входит Ольга в элегантном костюме. Она подходит к Наташе и Ирине, ставит на столик чашку.

ОЛЬГА *(Наташе):* Привет.

НАТАША: Привет. Ну как репетиция?

Ольга пожимает плечами.

НАТАША: Ты чего дрожишь?

ОЛЬГА: Замерзла.

НАТАША: Ты что! Здесь жаррица.

ОЛЬГА: На улицу выходила. В репетиционной курить нельзя, в буфете — нельзя... *(Пьет кофе, греет руки о чашку.)*

НАТАША: Надо было что-то набросить.

ИРИНА: Костюмчик обалденный. Китайский?

Ольга молчит.

НАТАША: Как тебе пьеса?

ОЛЬГА: Не знаю... Мне кажется, я такое не сыграю.

ИРИНА: А я бы сыграла!

ОЛЬГА: Пожалуйста! Кто тебе не дает?

ИРИНА: Значит, вы отказываетесь?

ОЛЬГА: Ира, оставь меня в покое!

НАТАША: Девушки, перестаньте! *(Смотрит на Ольгу.)* Оль, ты чего какая-то...

ОЛЬГА: Голова болит.

НАТАША: Таблетку хочешь?

ОЛЬГА: Не надо. Лучше еще кофе возьму. *(Выходит.)*

ИРИНА: Она сегодня... чисто Офелия. Я ее такой не видела.

НАТАША: Ты много чего не видела.

ИРИНА: Ой, а знаете, что я заметила? Павел Андреевич волосы красит.

НАТАША: Не может быть! Хотя сейчас многие мужики красятся.

Ольга возвращается с чашкой кофе.

НАТАША: Оля, что Анфисе подарим? Может, золотую цепочку? Или брошь?

ОЛЬГА: У них с Миронычем на лекарства не хватает. Нужны ей цацки!..

ИРИНА: Идея! У меня знакомый художник по фотографиям портреты рисует. Давайте закажем ее портрет! Большой!

ОЛЬГА: Ага. А ты ее сфотографируешь. Опыт есть...

ИРИНА: В каком смысле? У меня же алиби!

НАТАША: Наверное, лучше у нее самой спросить, что ей нужно.

ИРИНА: Тогда — не сюрприз...

НАТАША: А кому нужны сюрпризы? Лучше, когда все известно заранее.

ОЛЬГА: У Анфисы спрашивать бесполезно. Отшутится.

Входит Анфиса.

ОЛЬГА (Ирине и Наташе): Потом договорим...

АНФИСА: Девчата, я к вам помешусь?

НАТАША: Садитесь, Анфиса Михайловна, я ухожу. *(Встает.)* А где Маша?

АНФИСА: Ушла домой.

НАТАША: А-а... Всем пока. *(Уходит.)*

ОЛЬГА (Анфисе): Ну вот, вы жаловались, что костюмы не стирают. Зато теперь все чистое.

АНФИСА: Да, не было бы счастья... И все-таки удивительно: Петя так боится пожара, а нас который раз заливает. То крыша течет, то трубу рвет...

ОЛЬГА: Завтра "Собаку на сене" отменили — платья не отстирались.

АНФИСА: Отменили? Слава Богу! *(Достаёт из сумки фляжку, подливает в чашку с чаем.)* Чистый четверг, буду куличи печь...

ИРИНА: Мне кто-то сказал, что Христос был еврей. Это правда?

ОЛЬГА: В принципе... если по маме, то да.

ИРИНА: А чего ж мы радуемся, что он воскрес?

Все смеются.

АНФИСА: Не богохульствуй!

ИРИНА: Нет, серьезно!..

АНФИСА: Да ну тебя!

Пауза.

АНФИСА: А мне сегодня такое приснилось! Будто я проснулась... такой сон во сне... Проснулась, а под окном птицы поют...

ОЛЬГА: Птицы — это к переезду.

АНФИСА: Куда?

ИРИНА: В Москву!

Анфиса смеется.

ИРИНА: А что? Вдруг Павел Андреевич позовет?..

АНФИСА: Что вы все — в Москву, в Москву... Ты там даже не была! Это я в Москве родилась, выросла, институт закончила. А всю жизнь — здесь... Если бы не Мироныч, вернулась бы. Звали...

Входит Петр. В одной руке несет чашку, другой прижимает к уху телефон. Устраивается за одним из столиков.

ПЕТР: ...Милый мой драматург! Кто вам мой мобильный дал? (*Пауза.*) Да. Был в Париже. А теперь борюсь с наводнением. Вы русский язык понимаете? Денег нет. И не будет. (*Отключает телефон. Поворачивается к актрисам.*) Павел Андреевич вас уже отпустил? Так быстро?

АНФИСА: Да.

ПЕТР: И вы — сразу сюда...

ОЛЬГА: "Мы — артисты, наше место — в буфете".

ПЕТР: Где он сам?

ОЛЬГА: Ему позвонили, и он куда-то убежал, с телефоном. Ищет, где связь лучше.

Ольга и Ирина, переглянувшись, встают и уходят. Анфиса допивает чай.

ПЕТР: Анфиса Михайловна, не мучьте коллектив. Скажите честно: что вы хотите в подарок?

АНФИСА: Честно? (*Смеется.*) Зажигалку. И пепельницу.

Петр, опешив, молчит. В этот момент звонит его мобильный.

Анфиса уходит.

ПЕТР (в трубку): Алло, Витенька? (*Пауза.*) Съезд кого? Фелинологов? Это кто? (*Пауза.*) Я про неприличное успел подумать... Кошатники? Кошек люблю. Правда, готовить не умею... Им только фойе? Нал, безнал? Конечно, беру. Сейчас, Витя, всех беру. У меня потоп, срочно деньги нужны... *Входит Павел. В руках у него тексты пьесы. Он подсаживается к Петру.*

ПЕТР (в телефон): Извини, Витя, я перезвоню... А кошаков давай! (*Убирает мобильный.*) Вы чего так быстро? Прихожу — а они здесь сидят. Говорят: "Мы уже кончили".

ПАВЕЛ: Совсем кончили... Мне на мобилку позвонили, я вышел. Возвращаюсь — никого... Только пьесы — стопочкой. (*Перебирает экземп-*

ляры пьесы.) На одной написано: "Не могу". На другой: "Не буду"... Правда, одного экземпляра не хватает.

ПЕТР: Это Ирка.

ПАВЕЛ: Может быть.

ПЕТР: Распространение порнографии. От пяти до семи. С конфискацией...

ПАВЕЛ: В конце концов, они актрисы! Они должны выполнять любую задачу, поставленную режиссером!

ПЕТР: Так уж и люблю?..

Пауза.

ПАВЕЛ: У меня ощущение, что я пишу картину, а краски ушли.

ПЕТР: Возьми другие.

ПАВЕЛ: Мне нужны эти.

ПЕТР: Напиши что-то другое. Не надо ню. Сделай портрет.

ПАВЕЛ: Чей? Свой?

ПЕТР: Делай свой. Только не устраивай стриптиз.

ПАВЕЛ: Ладно. Не хотят — не надо. Пусть играют "Трех сестер". Для прыщавых школьников. Которые думают только о Чехове... Боже, до чего ж у вас в провинции душно и скучно! На дуэль, что ли, тебя вызвать?

ПЕТР: Ты кем будешь? Соленым?

ПАВЕЛ: А ты сладким. Чтобы всем было хорошо, чтоб в доме было тихо. Молчат. Павел достает из кармана рубашки сигарету, крутит ее в пальцах.

ПЕТР: Э, ты чего?!

ПАВЕЛ: Так... Привычка. Успокаивает. Верчу, но не прикуриваю.

Пауза.

ПЕТР: Не нервничай. С билетом я тебе помогу...

ПАВЕЛ: Не надо.

ПЕТР (в недоумении): Как — не надо?!

ПАВЕЛ: У меня другая пьеса есть.

ПЕТР: Зачем?.. то есть... дай почитать.

ПАВЕЛ: Она еще... не целиком...

ПЕТР: Как это?

ПАВЕЛ: Автор финал пишет. Скоро придет.

ПЕТР: Кто автор? Много запросит?

ПАВЕЛ: Молодой. Откажется от авторских.

ПЕТР: Смотри... От одного уже скрываюсь. Умный... голова шире плеч. Начали его ставить — не получается... А теперь каждый день звонит, гонорар требует.

ПАВЕЛ: А по договору?
ПЕТР: При чем здесь договор? Я театр защищаю!
ПАВЕЛ: А драматург кого?
ПЕТР: Ладно, защитник слабых... Так о чем твоя пьеса?
ПАВЕЛ: Она не моя.
ПЕТР: Допустим. Так о чем?
ПАВЕЛ: О любви.
ПЕТР: Все пьесы — о любви.
ПАВЕЛ: Тогда о надежде... и отчаянии.
ПЕТР: Мужиков много?
ПАВЕЛ: Практически нет.
ПЕТР: Хорошо... А женщин?
ПАВЕЛ: Пятеро.
ПЕТР: И как называется? Надеюсь, не...
ПАВЕЛ (*перебивает*): "Пауза". Или "Антракт". А что? Приличное название. Антракт...

Опускается занавес.

Конец I действия.

ДЕЙСТВИЕ II

Картина V

Черный квадрат сцены.

На сцене сидят Маша, Ольга, Ирина, Наташа и Анфиса. У каждой — эскиз пьесы. Кто-то листает пьесу, кто-то смотрит на Павла.

Ирина записывает в тетрадку за Павлом.

ПАВЕЛ: Сюжет прост. Больничная палата. В ней — мужчина, в коме. Его навещают женщины — мать, жена, дочь, сестра, любовница. Врачи объясняют, что с больным надо говорить, — это может вернуть его к жизни. Правда, никто не знает, слышит он или нет...

ИРИНА (*отрываясь от записей*): У Альмадовара есть фильм, там похожая история! Только в коме девушка...

ПАВЕЛ: Ну и что?! Пушкинский сюжет — о мертвой царевне. Или Перро — о спящей красавице.

ИРИНА: Да я ж ничего не говорю...

ПАВЕЛ: Всё написали греки. Они, кстати, всё и поставили... А мы только переставляем... Итак, женщины приходят к мужчине. Кто-то из них верит, что он слышит... Кто-то говорит сам с собой. Кто-то молится за

него. Кто-то вспоминает о своих обидах... В пьесе несколько картин. Несколько больничных дней — из многих недель. Это женские... подчеркиваю — женские, а не вагинальные монологи.

НАТАША: Павел Андреевич, проясните нулевую экспозицию. Мужчина — кто?

ПАВЕЛ: Какая разница? Он — мужчина. Чей-то муж, отец, брат... Ваше отношение к сыну или отцу поменяется в зависимости от его профессии или должности? Будет он министром или дворником — за его жизнь будете переживать по-разному?

ОЛЬГА: Судя по некрологам, дворники бессмертны...

ПАВЕЛ (*не обращая внимания на реплику*): А может, музыкант... Дирижер духового оркестра. Или врач. Анестезиолог. Всю жизнь боролся с чужой болью, а со своей не справился... Главное, он — мужчина. И как каждый мужчина, окружен женщинами. Еще жива мать, уже выросла дочь, есть сестра, жена и — как редко, но бывает, — любовница...

МАША: Одна?

ПАВЕЛ: Одна жена, одна любовница. Чтобы вы не запутались... Они говорят с ним. И вопрос, останется ли он жить, зависит от их любви, веры и надежды.

МАША (*с усмешкой*): "Жди меня, и я вернусь, только очень жди!" Они его любили, и от любви он вышел из комы!

ПАВЕЛ: А почему вы решили, что вышел?

НАТАША: Разве у нас трагедия? На трагедии ходить не любят...

ПАВЕЛ: Финал будет открытый. Женщины приходят, а палата пуста. Они ждут врача, который скажет им, что случилось: его перевели в другую палату, он пришел в себя или умер. Вот за эти минуты станет понятно, кто из героинь действительно любит его, кто надеялся, а кто закиво похоронил.

ИРИНА: И что скажет врач?

ПАВЕЛ: Спектакль закончится до его прихода.

АНФИСА: А зритель? Ему будет понятно, что с героем?

ПАВЕЛ: Это каждый для себя решит сам. (*Пауза.*) Репетировать с вами мы будем по отдельности. Вместе — только финал.

Гаснет свет.

Луч высвечивает стоящую на сцене кровать, на которой лежит манекен.
На сцене — Ольга и Павел.

ОЛЬГА: Павел Андреевич, я всю сцену стою у окна? Или...

ПАВЕЛ (*перебивает*): Оля, почему ты бросила трубку? Я вчера...

ОЛЬГА (*перебивает*): Может, я могу ходить по палате?

ПАВЕЛ: Я весь вечер тебя набирал...

ОЛЬГА: Павел Андреевич, давайте репетировать. Я почитаю. С начала? (*Пауза.*) "Часов нет... В других палатах есть, а здесь нет. (*Пауза.*) Скоро твоя жена придет. (*Пауза.*) Интересно, что она тебе говорит? Наверное, вспоминает о прошлом. А я... Что вспоминать? Сначала — роман, потом — повесть... женатого мужчины и одинокой женщины..."

ПАВЕЛ (*перебивает*): Лёля!

Ольга замолкает.

ПАВЕЛ: Я специально репетиции назначил отдельно, чтобы с тобой поговорить.

ОЛЬГА: Нам не о чем говорить.

ПАВЕЛ: Нет, есть. Только не хочется здесь... Может, пообедаем вместе?

ОЛЬГА: Не хочу.

ПАВЕЛ: Почему?

ОЛЬГА: Аппетит пропал.

ПАВЕЛ: Давно?

ОЛЬГА: Лет двадцать как...

ПАВЕЛ: Оля, я ехал сюда... думал — все ушло. А когда случился потоп и я увидел тебя... в мокрой шляпе...

ОЛЬГА: Шляпа была сухая.

ПАВЕЛ: Да? Может, показалось... Помнишь, ты купила похожую... у спекулянтки... Мы пошли гулять — и вдруг дождь...

Долгая пауза.

ПАВЕЛ: Лёль, я все понял... Ничего не прошло...

ОЛЬГА: Не называй меня "Лёля"!

ПАВЕЛ: Прости.

Долгая пауза.

ПАВЕЛ: Оля, но ведь я звал тебя...

ОЛЬГА: Куда? На сто первый километр? А здесь все бросить? Большую маму... Театр, роли... Чтобы Снегурочку играть на утренниках, которые ты ставил?

ПАВЕЛ: Значит, для тебя театр был важнее, чем я.

ОЛЬГА: А для тебя? Если бы я для тебя что-то значила, ты бы меня послушал. Тебе же все говорили — не пропустят... Здесь не Москва. А ты специально секретаря обкома копировал. Голым королем представлял. Я же просила тебя — не дразни гусей...

ПАВЕЛ: Какие гуси... Волки. Если бы не уехал — могли и посадить. За антисоветскую агитацию... Пять лет в театры не впускали.

ОЛЬГА: Ну, приехала бы я... Сидели бы вдвоем... без работы, без дома...

ПАВЕЛ: Зато вдвоем... Когда я понял, что не приедешь, — напился. Прямо в Доме пионеров... В те времена еще пионеры были... Остался на ночь после драмкружка, выпил бутылку водки и стал в горн дудеть...

ОЛЬГА: И что? Прибежали твои пионеры?

ПАВЕЛ: Нет. Даже сторож не пришел. Так и уснул... под портретом Горбачева.

Пауза.

ОЛЬГА: А что же меня потом не звал? Когда в каждом журнале твоя фотография...

ПАВЕЛ: Так к тебе тогда Петр сватался... Не хотел мешать вашему счастью. Тем более, за ним и ехать никуда не надо было...

ОЛЬГА: Нашел причину. Петр... Шампанское водой не запивают... Просто тебе я уже была не нужна... Хорошо было и без меня... А теперь за чем вернулся? Плохо стало?

ПАВЕЛ: Нет, все в порядке.

ОЛЬГА: Не ври. Я же тебя знаю...

Пауза.

ПАВЕЛ: Знаешь... Оля, я, кажется, понял, кто загнал леопарда на ледяную высоту...

ОЛЬГА: Кто?

ПАВЕЛ: Страх.

Пауза.

ПАВЕЛ: Тогда не боялся... А сейчас — страшно. Меня всегда ругали, но слово "беспомощность" не употребляли... И чем больше боюсь, тем хуже получается. Чем глубже я его прячу, тем сильнее душит. Прости, но кроме тебя мне об этом сказать некому...

ОЛЬГА: Первый раз вижу тебя таким...

ПАВЕЛ:

"Я разный.

Я натруженный и праздный.

Я — целе- и нецелесообразный".

ОЛЬГА (*перебивает*): Это не ты. Это Евтушенко. (*Пауза.*) А "Паузу"... скажи честно — сам написал?

ПАВЕЛ: Ну ты же сама все знаешь...

ОЛЬГА: Не все... Почему не женился? Я читала о твоих звездных романах...

ПАВЕЛ: Читай больше... Они напишут.

ОЛЬГА: А зачем ты предложил Петру эти... интимные монологи?

ПАВЕЛ: Режиссерская провокация.

ОЛЬГА: О провокации придумал после того, как мы с репетиции ушли?

ПАВЕЛ: Да нет... Хотелось Петьку чем-то шокировать. А по большому счету и "Монологи", и "Пауза" — про одно и то же. Только форма разная.

Пауза.

ПАВЕЛ: Может, все-таки пообедаем где-нибудь?

ОЛЬГА: Нет. Будем репетировать.

Пауза.

ПАВЕЛ: Значит, и ты меня не понимаешь...

ОЛЬГА: Ошибаешься, понимаю... Давай лучше поужинаем. Хотя все говорят, что это вредно.

Гаснет свет.

* * *

На сцене — кровать, на которой лежит манекен. Возле кровати сидит Ирина, рядом стоит Павел.

ИРИНА (*говорит напыщенно, жестикулируя*): "Когда я первый раз сюда пришла, мне врачиха сказала: "Говори, он слышит. Зови его". Я поверила. Что ты меня слышишь... Теперь сомневаюсь".

ПАВЕЛ (*перебивает*): А вы сами?

ИРИНА: Что — сама?

ПАВЕЛ: Верите, что отец вас слышит, или нет?

Ирина пожимает плечами.

ПАВЕЛ: Попробуйте еще раз.

ИРИНА: "Когда я первый раз сюда пришла, мне врачиха сказала: "Говори, он слышит. Зови его". Я поверила, что ты меня слышишь... Теперь сомневаюсь".

ПАВЕЛ (*резко*): Нет! Это нельзя произносить так эмоционально! Подумай над словами, прочувствуй... "Теперь сомневаюсь..." Ты растерялась. И не к нему обращаешься! Ты говоришь это себе. Без драматизма... В начале монолога — пожалуйста, выступай с выражением... Как в школе

учили... А потом вдруг — ломаешься. Признаешься, что вера ушла. Поэтому для тебя говорить вслух с отцом — значит лгать! Лгать умеешь?

ИРИНА (*растерянно*): Кому?

ПАВЕЛ: Ну, думаю, есть кому?

ИРИНА (*кокетливо*): А зачем мне лгать? Я — девушка свободная...

ПАВЕЛ: Учись. Пока я жив... Мне нужно, чтобы ты в этой сцене была... врушей. Чтобы зритель понял: ты притворяешься умеешь... Но больше не можешь.

Затемнение.

* * *

Луч выхватывает ту же кровать с манекеном. Рядом — Анфиса и Павел.

ПАВЕЛ: Я хочу, чтобы вы произносили свой монолог, глядя куда-то в пол.

АНФИСА: Почему?

ПАВЕЛ: Мать окаменела от горя. У нее нет больше сил. Представьте: она приходит к сыну ежедневно. Уже полтора месяца прошло...

АНФИСА: Ну и что? Может, дома она и каменеет, а в больнице будет смотреть на сына, чтобы понять, слышит он или нет. Будет держать его за руку...

ПАВЕЛ: Вы думаете?.. Хорошо. Делайте так.

Анфиса поправляет под манекеном подушку, берет его за руку.

АНФИСА: "Здравствуй, сыночка... Ты молодцом, не такой бледный. Вчера не смогла прийти — у папы давление подскочило. Но ты не беспокойся, ему лучше. Я сейчас в коридоре медсестру встретила..."

Пауза.

АНФИСА: Нет, я не могу к этой пластиковой чурке обращаться...

ПАВЕЛ: Ну хорошо, давайте так. (*Он снимает манекен с кровати и ложится на его место.*) Продолжайте.

АНФИСА (*берет его за руку*): "Все будет хорошо, сыночка. Ты поправишься, и мы с тобой пойдем гулять. Как в детстве — за ручку..." (*Пауза.*) Ой, нет, Паша, так не надо. Встань!

Павел встает.

АНФИСА: На спектакле будет манекен?

ПАВЕЛ: Не знаю. Может, поставим кровать спинкой к залу, зрителям вообще не будет видно, лежит кто-то или нет. (*Пауза.*) Вот что... Врачи советуют включать для него музыку.

АНФИСА: Какую?

ПАВЕЛ: Ту, что на улицах играют... Духовой оркестр. Вальсы. Марши... Уходя, каждая из женщин будет ставить пластинку.

Гаснет свет.

* * *

Загорается свет. Возле кровати стоит Маша. Павел ходит по сцене.

ПАВЕЛ: Садись. Нет, не надо... (*Рассматривает Машу, которая одета в джинсы и кофточку.*) Может, тебе так и играть — в джинсах? Только кофточку поярче...

МАША: Хорошо.

ПАВЕЛ: А сверху — халат. Как полагается в больнице.

МАША: Все в белых?

ПАВЕЛ: Да. В белых. Кстати, в Индии траурные сари — белого цвета. Интересно... У нас — черное. А у них смерть — не мрак, а свет...

МАША: От хорошей жизни, наверно...

ПАВЕЛ: Ладно. Читай с места, где говоришь о свекрови.

Долгое молчание.

ПАВЕЛ: О чем молчим?

МАША: Я думала, ты хочешь что-то сказать... Поэтому и назначил репетиции по отдельности.

ПАВЕЛ: Нет, не поэтому. В спектакле одна общая сцена, ее сделаем вместе. А монологи колхозом репетировать — лишнее.

Пауза.

ПАВЕЛ: Маш, давай работать...

МАША: Хорошо. Я только хотела узнать...

ПАВЕЛ: Почему приехал?

МАША: Нет. Хотела спросить: у тебя все в порядке? Мне показалось, что-то случилось...

ПАВЕЛ: "Что-то случилось" ... Был такой роман. Не читала?

МАША: Нет.

ПАВЕЛ: Зря. Хороший роман.

МАША: Может быть.

ПАВЕЛ: Начиная.

МАША: "Извини, не выспалась. Комары... Откуда они взялись? Холодно уже. Всю ночь гудели!.."

Гаснет свет.

* * *

В луче света — кровать с манекеном. Рядом — Павел. Он изменяет положение рук манекена. Сначала распрямляет их поверх одеяла, отходит на несколько шагов, рассматривает позу. Потом складывает руки манекена на груди, как у покойника. Подходит к проигрывателю, ставит пластинку. Духовой оркестр играет марш. Павел возвращается к манекену и складывает его руки под затылком — так, будто манекен "отдыхает". Садится на стул, сжимает голову руками. Затем вдруг откидывается на спинку стула, вытягивает ноги, сцепляет руки на затылке, повторяя позу манекена, и потягивается. Свет гаснет.

* * *

В свете луча на сцене — Павел и Наташа. Наташа читает монолог.

НАТАША: "Я на сороковой день исповедаться ходила, батюшку спрашивала — как же твоя душа? Батюшка говорит — душа рядом... И видит все... (Пауза.) Эта женщина тоже здесь... Нехорошо. Грех!"

ПАВЕЛ: Нет. Не так. У меня от вашего монолога остается... дурное послевкусие... Ощущение, что ваша героиня не ушла, а ударились в религию. Часто ходит в церковь и всех достала своей обрядностью... А я хочу, чтобы вы сыграли верующую женщину. Которую хочется слушать. Вспомните кого-нибудь из знакомых...

Наташа пожимает плечами.

ПАВЕЛ: Того, кто верит. Если не в Иисуса Христа, то в свое дело...

Наташа молчит.

ПАВЕЛ: Значит, нет таких... И в театре тоже?.. Плохо. (Пауза.) Наталья Ивановна, мы же с вами... не пирожки печем. Я понимаю, быт заедает... Но иногда надо вспомнить, что это — искусство. Роль с температурой тридцать шесть и шесть сыграть нельзя!

НАТАША: Вы как Петр. Иногда я его не понимаю. Наверное, вы с ним были похожи, когда строили... вашу крепость... Но он изменился... А сейчас нервничает. Не спит.

Пауза.

НАТАША: Павел Андреевич, у меня к вам просьба.

ПАВЕЛ: Какая?

НАТАША: Уезжайте... Уезжайте, пожалуйста. Вам в любом театре дадут ставить...

ПАВЕЛ: А вам я не нужен?

НАТАША: Мне — нет.

ПАВЕЛ: Почему?

НАТАША: Потому что Петр Никитич плохо спит. А я его люблю. И хочу, чтобы у него все было хорошо.

Гаснет свет.

* * *

В свете луча — кровать, на спинку которой брошен медицинский халат.

Рядом с кроватью — платяной шкаф, кресло. На кровати сидит Маша.

ПАВЕЛ (*кивает на шкаф*): Это что?

МАША: После вчерашнего спектакля не убрали.

ПАВЕЛ: Бардак... (*Пауза.*) А может, оставим в палате шкаф? С халатами. Подойдешь, откроешь...

Маша открывает шкаф. На внутренней створке — зеркало.

ПАВЕЛ (*кричит*): Стоп! Класс! Вот так и будет! Шкаф развернем торцом к залу. Открываешь дверцу, набрасываешь халат и поворачиваешься к зеркалу. И монолог читаешь, глядя в зеркало.

МАША: Спиной к залу?

ПАВЕЛ: Чуть развернем, со светом поработаем... Зритель будет видеть лицо в зеркале. Держи. (*Протягивает ей халат.*)

МАША (*набрасывает халат*): Значит, я буду смотреть в зеркало, а не на любимого человека?

ПАВЕЛ: А с чего ты решила, что он — любимый? Ты что говоришь? "Устала, бессонница замучила... Со свекровью скандалы..." Только о себе! Представь — дело происходит не в больнице, а на кухне. Муж ест суп, жена картошку жарит — и тот же текст. Бытовуха! А не борьба за жизнь. (*Пауза.*) Начни с места "Что понадобилось тебе на сто первом километре..."

МАША: "Что понадобилось тебе на сто первом километре, никто объяснить не может. Светка городит ерунду насчет самовара — будто ты в деревне маме в подарок присмотрел... Ну а мама, конечно, уверена, что я тебя довела..."

ПАВЕЛ (*перевивает*): Маш, ты что, не чувствуешь? Ты же повторяешь, нога в ногу, то, что делала на прошлой репетиции!

МАША: Ну и что? Тебе же нравилось.

ПАВЕЛ: А сегодня не нравится!

МАША: Так что мне играть? Он ее разлюбил?

ПАВЕЛ: Наверно... И она его тоже.

МАША: Когда тебя разлюбили — больно.

ПАВЕЛ: А когда ты — грустно... Вот ей грустно и больно одновременно.

МАША: А вам весело?

ПАВЕЛ: Ты о чем?

МАША: Не о чем, а — о ком... О тебе. И о ней.

ПАВЕЛ: Маш... Столько воды утекло... Зачем нам об этом?..

МАША: Нам? Нам ничего не надо... Только вам... Кстати, я то свадебное платье не выбросила. Не продала. Лежит у меня. В сундучке... На память о твоей... преданности... Что ты там про белый траур говорил?

ПАВЕЛ: Знаешь, почему животные совокупаются со спины?.. Самка не может укусить.

Маша снимает халат и набрасывает его на зеркало.

ПАВЕЛ: Не надо режиссерских находок. Сними. Он еще живой.

Маша берет халат, бросает его в Павла и уходит.

Гаснет свет.

* * *

В луче света возле кровати — Павел и Анфиса.

АНФИСА (устало): "Она мне никогда не нравилась, твоя Лина, но я молчала... А сейчас... У нее на прошлой неделе был день рождения, и она пригласила гостей! Как же можно?! Когда ты — здесь..."

ПАВЕЛ (перебивает): Нет, Анфиса Михайловна, вот здесь не надо так ровно. Добавьте эмоций. Со слезой. Пусть все, о чем раньше молчала, что невестке не высказала, сейчас прорвется!.. Продолжайте.

АНФИСА: "Она пригласила гостей! Как же можно?! Когда ты — здесь... Я говорю: "Линочка, не надо праздновать...". А она мне: "Я что — в трауре?". (Плачет.) Дрянь! Ты — тут, а она... Зачем?" (Пауза. Поворачивается к Павлу.) Зачем ты приехал?

ПАВЕЛ: Этого в тексте нет.

АНФИСА: И все-таки, зачем?

ПАВЕЛ: "Если бы знать... Если бы знать..."

Долгая пауза.

ПАВЕЛ: Приехал, чтобы поставить пьесу.

АНФИСА: Почему у нас? Тебя же везде зовут.

ПАВЕЛ: Петька позвал. Театру нужна реанимация...

АНФИСА: Реанимация?.. Как образно! Когда у Мироныча был удар, он две недели в реанимации пролежал. Как речь вернулась — начал с радостного: "Анечка, все сделаешь по-простому, без помпы. А стал бы худруком — хоронили бы, как артистов в Москве, — с аплодисментами"... (Пауза.) Он стал бы худруком, Павлик, если б не твой "Толый король"...

Пауза.

ПАВЕЛ: Как он сейчас? Выходит?

АНФИСА: Гуляем, за ручку, в парке... (*Пауза. Анфиса встает.*) Павел Андреевич, я не буду играть в этом спектакле.

ПАВЕЛ: Анфиса Михайловна, я вас очень прошу, не отказывайтесь от роли. Конечно, я приехал не потому, что меня просил Петька... Я же знаю, что он тут, после моего отъезда говорил... и делал... За "Голого короля" меня выгнали с волчьим билетом, а его через пять лет — за тот же спектакль — выдвинули на Госпремию. (*Пауза.*) Я вернулся... Сам не знаю, почему... На место преступления возвращаются раньше, чем через двадцать лет. Не знаю, виноват ли я перед вами... Миронычем... другими... Я делал то, что считал должным.

АНФИСА (*перебивает*): А теперь?

ПАВЕЛ: И теперь...

Анфиса, постояв, садится. Затемнение.

* * *

На сцене — Ольга и Павел.

ПАВЕЛ: ...Здесь важную роль играет время. Ты чувствуешь?..

ОЛЬГА:

Время — не предмет, а идея.

К нему нельзя прикоснуться.

В него можно верить, старея,

А можно, не веря, вернуться.

ПАВЕЛ: Странно, что ты помнишь... (*Пауза.*) В этой пьесе время для всех течет по-разному. Для матери — тикает, как метроном. Для дочки — летит, как всегда в молодости... А для твоей героини время остановилось. Она просила любовника выбрать между ней и женой. Но он не выбрал... А сама она не может оторваться. И непонятно, что для нее лучше, — чтобы он ожил или умер. Умрет — всем поровну. Вернется — все начнется сначала...

ОЛЬГА: Но сейчас ей достаточно нажать кнопку... повернуть краник... И будет всем поровну. Почему она этого не делает?

ПАВЕЛ: Потому что не способна на поступок. Как большинство из нас... Она просто ждет.

ОЛЬГА: Почему?

ПАВЕЛ: Потому что любила. А сейчас — не знает...

ОЛЬГА: И поэтому хочет его смерти? Или не хочет? (*Пауза.*) Скажи мне: что я должна играть?

ПАВЕЛ: Надежду и отчаяние.

ОЛЬГА: Мне проще сыграть ожидание... С учетом двадцатилетнего опыта.

ПАВЕЛ: Оль, мы это уже обсудили... Как ты будешь играть ожидание? У окна сидеть, слезы лить? На часы смотреть?

ОЛЬГА: Да нет... Просто жить... *(Пауза.)* Ты знаешь, я все время боюсь, что ты опять исчезнешь...

ПАВЕЛ: Не исчезну. Я и не исчезал... Просто был далеко. Почему-то... *(Пауза.)* Ладно, на сегодня хватит. Мне еще нужно с Петром поговорить. Я приду к тебе в восемь.

ОЛЬГА: Я не успею ничего приготовить. Приходи к девяти, ладно?

ПАВЕЛ: А может, ты ко мне?

ОЛЬГА: В гостиницу... Нет. Я девушка гордая! И не покупай цветы. Еще старые не завяли...

ПАВЕЛ: Потому что волшебные! *(Целует ее.)*

Затемнение.

* * *

В луче прожектора — Павел и Ирина.

ПАВЕЛ: ...Не надо делать такие долгие паузы. Живее, живее!

ИРИНА: Вы вчера другое говорили... *(Заглядывает в тетрадку.)*

ПАВЕЛ: А сегодня надо живее... Хорошо, вернемся к этому месту: "Может, ты из-за этого и попал в аварию? Был рассеянный, постоянно думал об этом..." Не говори это — ему. *(Показывает на кровать.)* И не в зал! Ты говоришь — себе. Посыл — внутрь...

ИРИНА: А куда смотреть?

ПАВЕЛ: В себя!

Ирина отворачивается от кровати, становится в пол-оборота к залу, переминается с ноги на ногу, становится другим боком.

ИРИНА: "Может, ты из-за этого и попал в аварию? Был рассеянный, постоянно думал... об этом... И мама, наверное, все знала. Она в последний год стала другой"...

ПАВЕЛ: Куда ты смотришь?

ИРИНА *(показывает в зал):* Туда.

ПАВЕЛ: И обращаешься к креслам?.. Закрой глаза.

Ирина с готовностью зажмуривается.

ПАВЕЛ: Покружись.

ИРИНА: Как?

ПАВЕЛ: Ну, покрутись вокруг себя.

Ирина делает оборот вокруг своей оси.

ИРИНА (*пошатнувшись, жалобно*): Я упаду...

ПАВЕЛ: Не бойся, я рядом.

Подходит и, придерживая за плечи, помогает ей кружиться. Останавливает.

ПАВЕЛ: Только не открывай глаза.

ИРИНА (*нежно*): Не буду.

Ирина кладет ладони на руки Павла, которые лежат на ее плечах.

ПАВЕЛ (*высвобождает руки, отходит в сторону*): А теперь читай этот кусок. Не зная, что перед тобой, ни на что не глядя.

Долгая пауза. Наконец Ирина читает — совсем не так, как читала раньше.

ИРИНА (*ровно и задумчиво*): "Может, ты из-за этого и попал в аварию? Был рассеянный, постоянно думал об этом... А может, мне кажется? Сейчас ты мне не скажешь... Но я буду ждать".

Затемнение.

* * *

На сцене пустая кровать. На ней сидит Павел. Он набирает номер на мобильном.

ПАВЕЛ: Петя, привет... Думаю, через пару дней сделаю прогон первой картины. (*Пауза.*) Концовки пока нет. Он прислал, но мне не понравилось. Я попросил переделать. (*Пауза.*) Название? Пусть будет "Антракт"... Вся наша жизнь — антракт... между двумя главными действиями — рождением и смертью... (*Пауза.*) Петя, не надо прессы. На премьеру соберешь... (*Пауза.*) Я?! Уже ничего не боюсь. Страх прошел... Прости, забыл: в ванной поскользнуться — вот чего я боюсь...

Затемнение.

Картина VI

На сцене декорации больничной палаты: кровать, повернутая спинкой к зрительному залу. Рядом тумбочка, на которой стоит иконка и проигрыватель с пластинками. Платяной шкаф. Окно.

Входит Павел. Он осматривает декорации, затем спускается со сцены в зрительный зал и садится в одно из кресел партера.

На сцене начинается прогон первой картины спектакля. По очереди появляются актрисы. Каждая из них произносит свой монолог.

* * *

АНФИСА (*сидит возле кровати*): Здравствуй, сыночка... Ты молодой, не бледный... Вчера не смогла прийти — у папы давление подскочило. Но ты не беспокойся, ему лучше. (*Пауза.*) Я в коридоре медсестру встретила ... Говорит мне: "Не беспокойтесь, в нашей клинике уход хороший, мы все вовремя делаем". Страшное слово — уход... Глупенькая. Думает, я каждый день прихожу, потому что... уходу... не доверяю. (*Пауза.*) Лине говорю — пойдем вместе. А она — не могу, иду с классом на выставку. Потом родительское собрание. Потом юбилей... И Светочки дома никогда нет. (*Пауза.*) Они ругаются часто. Я к ним приехала, подхожу к двери — крик такой, что на площадке слышно. Лина орет: "Я тебе запрещаю!" А Света ей — "Я все папе скажу!". Бедная девочка! Ей тебя очень не хватает. (*Пауза.*) Когда свою косметику посмывает — сразу видно: вылитая ты. Глаза и подбородок... И чай пьет, как ты: слабый, заварки мало, варенье кладет и разбалтывает. Лина ее ругает, говорит, что нельзя столько сладкого... А за косметику не ругает. (*Пауза.*) И сама мажется... (*Пауза.*) Она мне не нравится... Она мне никогда не нравилась, но я молчала... А сейчас... (*Пауза.*) У нее был день рождения, и она пригласила гостей! Как же можно?! Когда ты — здесь... Я говорю: "Линочка, не надо праздновать...". А она мне: "Я что — в трауре?". (*Плачет.*) Дрянь! Ты — тут, а она... Вырядилась в желтое платье. Стол, музыка... Они даже танцевали! (*Вытирает слезы.*) Не буду, больше не буду... Тебе огорчаться нельзя... (*Пауза.*) Все будет хорошо, сыночка. Ты поправишься, и мы с тобой пойдем гулять. Как в детстве — за ручку... Наверное, уже будет снег... Белый-белый... Но не сладкий...

Анфиса встает, подходит к столику, перебирает пластинки, ставит одну из них и уходит со сцены под звуки духового оркестра, играющего вальс.

* * *

МАША (*подходит к шкафу, открывает его, достает халат и набрасывает на плечи. Смотрится в зеркало, которое прикреплено на внутренней стороне дверцы шкафа*): Извини, не выспалась. Комары... Откуда они взялись? Холодно уже. Всю ночь гудели!.. Одного хлопнула — кровь на обоях... Смотрю на пятно — и снова вижу этот кошмар... (*Пауза.*) Мокрый асфальт... Машина врезалась в дерево... И строчки из протокола — "Тойота цвета "мокрый асфальт"... (*Пауза.*) Сегодня в школу шла — камушек в туфлю попал. Так натер, что в медпункт ходила за пластырем. И все уро-

ки — сидя. *(Пауза.)* Кстати, об уроках... В десятом рассказывала об эпиграфах и вспомнила твоего Хемингуэя. "Килиманджаро — высшая точка Африки. Почти у самой вершины лежит иссохший мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может". *(Долгая пауза.)* Что понадобилось тебе на сто первом километре, никто объяснить не может... Светка городит ерунду насчет самовара — будто ты в деревне маме в подарок присмотрел... Ну, а мама, конечно, уверена, что я тебя довела... *(Пауза.)* Скандал мне устроила, из-за дня рождения. "Праздновать нельзя, музыку нельзя... Почему ты в желтом?.." Твоя мать хочет, чтобы я надела траур и все время рыдала, как она... Но у меня муж живой! Я не вдова! И не хочу, чтобы Света плакала. Она должна нормально жить и ждать, когда ты вернешься... *(Пауза.)* А день рождения... Я позвала Николаевых и Вовку с Катей. Говорили о тебе. *(Пауза.)* Кстати, в последнее время мы чаще были с ними, чем наедине... Будто прятались друг от друга... *(Пауза. Маша ставит пластинку. Духовой оркестр играет марш. Маша направляется к выходу. В дверях останавливается.)* Возвращайся. Нам без тебя плохо. *(Уходит.)*

* * *

ИРИНА *(начинает говорить ровным тоном, будто заученный урок):* Здравстуй. Как ты? У меня все хорошо, английский сдала. Сама. Наша англичанка денег не берет — не потому что честная, а потому что боится. *(Пауза.)* Что у меня еще? Записалась на аэробику. *(Пауза.)* Что еще? У нас в институте компания собирается в Крым... Но мама меня не пускает. Поругались... *(Пауза. Продолжает не таким натянутым тоном.)* Короче, я не знаю, что еще... Бабушка говорит: "Рассказывай, что у тебя происходит. Как в письме". Помнишь, как я тебе в детстве из лагеря писала? Сейчас так не напишу... Не про все хочется... Хотя за последний месяц я тебе рассказала больше, чем за последний год. Мы молчали после того... Ты знаешь, о чем я. *(Пауза.)* Когда я увидела тебя в ювелирном... Подумала, что серьги ты покупаешь не для мамы. И ушла, чтобы ты меня не заметил. Но когда ты пришел домой, поняла, что знаешь... что я знаю... И мы молчали. Ты боялся, что я спрошу. А я боялась, что начнешь объяснять... *(Пауза.)* Может, ты из-за этого и попал в аварию? Был рассеянный, постоянно думал... об этом... И мама, наверное, все знала. Она за последний год стала другой... *(Пауза.)* А может, мне кажется? И в магазине ты меня не видел. И серьги покупал кому-то на взятку?.. *(Пауза.)* Когда я первый раз сюда пришла, врачаха сказала: "Говори, он слышит. Зови его". Я пове-

рила. Что ты слышишь... Теперь сомневаюсь. Я боюсь, что ты так и будешь... лежать... и я уже не смогу верить, что я говорю не просто так... (Пауза.) Короче... Извини. (Вытирает слезы. Пауза.) Если вдруг не приду — не обижайся, это значит, я маму уговорила, и она меня отпустила в Крым. (Ира ставит пластинку — звучит марш. Она идет к двери, оставившись на пороге.) А сережки эти модные. Я здесь на одной медсестре видела... (Выходит.)

* * *

ОЛЬГА (входит в палату. На ней белый медицинский халат и шапочка медсестры. Подходит к кровати, снимает шапочку, оглядывает комнату): Часов нет... (Пауза.) В других палатах есть, а здесь нет. (Пауза.) Свои сегодня утром разбила. Поскользнулась в ванной... (Подходит к окну.) Сколько сейчас?.. С каждым днем темнеет все раньше... Скоро твоя жена придет. Отсюда видно, кто в отделение заходит. (Пауза.) Интересно, что она тебе говорит? Наверное, вспоминает о прошлом. А я... Что вспоминать? Встречи по вторникам и пятницам... как у всех... Сначала — роман, потом — повесть... женатого мужчины и одинокой женщины. С таким неожиданным финалом... Как случилось, что тебя привезли именно в нашу больницу? Их в городе еще четыре... И на мою смену?.. Хотя есть других три. (Пауза. Снова подходит к кровати.) Врачи советуют: говорите с ним, чтобы он захотел вернуться. (Пауза.) Все эти беседы — чушь. Ты не слышишь. А если слышишь — это никак не влияет... Знаешь, зачем советуют разговаривать? Для родственников. Им так легче. Вроде, делом заняты... (Пауза.) "Вспоминайте прошлое, но только хорошее... Стройте планы..." Но ведь никто не следит, что мы тут говорим. Вдруг кто-нибудь из нас специально скажет плохое?.. (Пауза.) Пооткровенничает... насмерть... И никто не узнает. (Отходит к окну.) Темнеет... (Пауза.) Я позавчера встретила твою жену. Она посмотрела на меня и мимо прошла... Потом догнала, говорит: "Куда он ехал в этот день?". Я говорю — о чем вы?.. Она ушла. Молча. А что я могла сказать? Сама не знаю... (Пауза.) За неделю до этого сказала — выбирай. Между мной и ней... Ты неделю не звонил. А потом поехал выбирать между жизнью и смертью?.. И снова ничего не выбрал... Ни туда, ни сюда. (Пауза.) Теперь они приходят... Говорят... Плачут... Мне их жалко. И тебя жалко... И себя. Еще больше, чем вас. (Пауза.) Время остановилось... Хотя я все решила. Пока работаю. В марте уйду в декрет. (Пауза.) Не хотела тебе говорить про ребенка, но... Сказала так сказала...

Она ставит пластинку — духовой оркестр играет марш. Уходит.

* * *

НАТАША (*что-то шепчет, потом крестится, повернувшись к иконке, стоящей на тумбочке*): Прости нам, Господи, прегрешения наши... (*Снова крестится.*) Полтора месяца... Я на сороковой день исповедаться ходила, батюшку спрашивала — как же твоя душа? Батюшка говорит — душа рядом... И видит все... (*Пауза.*) Эта женщина тоже здесь... Нехорошо. Грех! (*Пауза.*) А вообще... Наверное, и она с тобой говорит?.. Тоже ждет... (*Пауза.*) Мама рассказывала — когда я родилась, ты так ревел! Брата хотел. Потом сына, а родилась дочка... Не повезло — вокруг одни бабы. А может, повезло?.. Ты нам нужен! Вот мы тебя и не отпускаем. (*Пауза.*) А вдруг ты сам? Вдруг это не авария? Я в компьютере нашла твое письмо другу, в Москву... Прочитала, прости... Там слова: "Все надоело... Куда бы исчезнуть?.." (*Пауза.*) Неужели ты сам?.. (*Плачет.*) Нет, нет! Если бы ты сам захотел, зачем уезжать так далеко?! (*Пауза.*) Значит, просто так поехал. Поругался дома — и рванул за город, у речки посидеть. Как раньше ездили. Ты на траву ложился и в небо смотрел. Светка тебя спрашивала: "Пап, что ты там видишь? Сегодня даже облака не показывают...". (*Пауза.*) Хотела тебя в парк вывезти, а врачи не разрешают... Я тебе листьев принесу... Они сейчас так пахнут...

Затемнение.

* * *

Зажигается свет. Павел поднимается на пустую сцену.

Звонит мобильный. Павел достает из кармана телефон.

ПАВЕЛ: Алло. Слышно. (*Пауза.*) Да ничего, дела... Репетирую. (*Пауза.*) Исключено. Я из этого возраста вышел. (*Достает из кармана сигарету.*) Да, звонил. Перешел на генеральское "ты", спрашивал, сколько буду дурака валять. (*Достает зажигалку и закуривает. На сцене появляется Ирина. Павел, посмотрев на нее, продолжает говорить.*) А когда это решится? (*Пауза.*) В любой момент? Пожалуйста, узнай точно! Я перезвоню. (*Отключает телефон.*)

ИРИНА: Павел Андреевич... (*Замечает сигарету.*) Вы курить начали?

ПАВЕЛ: Балуюсь.

ИРИНА: Вас Петр Никитич вызывает.

ПАВЕЛ: Ира! Петр Никитич меня может только пригласить! Ладно... скажи, что сейчас приду.

Ирина уходит. Павел ставит пластинку — играет марш. Павел садится на кровать и набирает номер на мобильном. Затемнение.

Картина VII

Гримерка. Приглушенно слышна музыка. Входят Наташа и Ольга.

Они, как и в первой картине, в платьях героинь "Трех сестер".

НАТАША: ...В зале сто человек, и все безрукие. Похлопать не могут. *Наташа садится за свой гримировальный столик. Ольга подходит к своему, но не садится, а рассматривает стол, потом проводит по нему рукой.*

НАТАША: Ты чего?

ОЛЬГА: Что-то рассыпано... Пепел, кажется.

НАТАША: Может, Анфиса курила? Кстати, где она?

ОЛЬГА: Это Машка.

НАТАША (смеется): Ты что — Шерлок Холмс? По пеплу определишь, чьи сигареты?

ОЛЬГА: Да при чем здесь сигареты! Она на меня порчу насылает!

НАТАША: Как?!

ОЛЬГА: Ведьма! *(Роется в ящиках своего стола.)* Это она из-за Павла! Ничего... *(Находит целлофановый пакет, сметает в него салфеткой пепел со стола и сует пакет под Машин стол.)*

НАТАША: Оль, ты чё творишь?

ОЛЬГА: Помнишь, она на мне "молнию" зашивала?

НАТАША: Когда?

ОЛЬГА: В допотопные времена! В тот день, когда Богомолв приехал... У меня теперь спина болит!

НАТАША: Из-за "молнии"? Не выдумывай!

ОЛЬГА: Ну, ничего... Она у меня получит! *(Достает из сумки бутылочку.)* Вот!

НАТАША: Змеиный яд?

ОЛЬГА: Святая вода! В церкви взяла.

Ольга льет воду на салфетку, вытирает стол, потом начинает брызгать водой по углам комнаты.

НАТАША (раздраженно): Господи...

Ольга брызгает водой на дверь, в этот момент входит Ирина.

Ольга обливает ее.

ИРИНА: Блин, что за номера?!

ОЛЬГА: Извини.

НАТАША: У нас тут... санобработка.

ИРИНА (вытирает лицо ладонью, принохивается): С хлоркой, что ли?

НАТАША: Со святым духом!

Ирина садится за столик, включает лампу, смотрится в зеркало.

ИРИНА: Размазала всё... *(Поправляет грим.)*

Входит Маша.

ОЛЬГА: Метлу за дверью оставила?

МАША: Какую метлу?..

ОЛЬГА: Ведьма!

МАША: Ты что, сбесилась?

ОЛЬГА: Подсыпаешь, да?!

НАТАША: Девочки, перестаньте...

МАША: Тебе что-то померещилось? Перекрестись!

ОЛЬГА: Уже!

Входит Анфиса с тортом.

НАТАША: Анфиса Михайловна, зачем? Официальные поцелуи — после спектакля.

АНФИСА: После — само собой. А сейчас — по кусочку. Чтоб силы были. А то не доиграем. *(Смотрит на Ольгу и Машу.)* Вы чего? Поцапались?

МАША: Ольге опять что-то мерещится...

АНФИСА: Сестрички, сегодня — перемирие! Завтра продолжите... Где у нас нож?

Ирина достаёт нож и тарелки. Анфиса режет торт. Маша закуривает, ищет куда стряхнуть пепел.

МАША: Где пепельница?

АНФИСА: Извините, девочки, разбила. Как раз перед выходом. Даже пепел собрать не успела...

ОЛЬГА: А осколки где?

АНФИСА: В корзине... А тебе зачем?

НАТАША: Посуда бьется к счастью!

МАША: Счастья у нас... до утра.

ИРИНА: А что? Вот закончим "Паузу", поедem на фестиваль! В Германию!

ОЛЬГА *(с иронией)*: Ирка слова перепутала. Было: "В Москву, в Москву...", а теперь — "В Бонн, в Бонн... На биеннале".

Анфиса раздаёт тарелки с тортом. Ирина незаметно выходит.

НАТАША: Кстати, спектакль будет называться не "Пауза", а "Антракт". *(Хочет взять у Анфисы тарелку.)* Ой, мне поменьше, поменьше... *(Выбирает другой кусок.)*

МАША: А мне — побольше! С розочкой!

АНФИСА: Ты же говорила, что торты не ешь.

МАША: Я уже толстею не от котлет, а от лет.

АНФИСА *(с тарелкой в руках, оглядывается):* Куда Ирка исчезла?

ОЛЬГА: У нее вся жизнь — в антракте между спектаклями.

АНФИСА: Как и у всех нас...

МАША *(ест торт):* Сладкий. Запить бы...

АНФИСА: Ой! Я минералку забыла!

Маша замечает бутылочку со святой водой, стоящую на столике Ольги.

МАША: Оль, дай глоточек.

ОЛЬГА: Пей на здоровье.

Входит Ирина. В руках у нее что-то, закрытое куском ткани.

ИРИНА: Дорогая Анфиса Михайловна! Раз мы уже начали праздновать... *(Ирина снимает ткань, под которой оказывается клетка с канарейкой.)*

ИРИНА: Она поет. По утрам... как во сне...

АНФИСА: Девочки! Ну... Господи! И деду будет развлечение. Как вы придумали?

ОЛЬГА: Это не мы, это Ирка.

АНФИСА: Спасибо! *(Целует Ирину, берет у нее клетку.)* Девочки! Сегодня в гримерке не курим! Птице вредно.

МАША: О-о-о... Общество охраны природы...

Раздается звонок мобильного. Наташа достает из сумочки телефон.

НАТАША: Да. *(Пауза.)* Я сейчас. *(Выходит из гримерки.)*

АНФИСА *(разглядывает птицу):* Ирочка, это мальчик? В смысле — самец? Ну, как это у канареек называется?

МАША: Кобель.

ОЛЬГА: Орнитолухи!.. Кенар.

Пауза.

МАША: Куда это Наталья?..

АНФИСА: К Добрыне, наверное.

ОЛЬГА: Чего он на прогоне такой мрачный сидел?

АНФИСА: Ревнует.

ОЛЬГА: Кого?

АНФИСА: Всех. Мы же — его хозяйство. А тут — чужой командует...

ОЛЬГА: Павел ему не чужой.

ИРИНА: Что значит — хозяйство? Мы что — крепостные?

АНФИСА *(смеется):* Дурочка... Мы не крепостные. Мы утварь.

МАША: Кажется, Петр Никитич краситься начал. Никто не заметил?

АНФИСА: Разве?

ОЛЬГА: Мне тоже показалось...

Звонит первый звонок.

МАША: Я все-таки думаю, что Павел сам эту пьесу написал.

АНФИСА: Почему?

МАША: Очень на него похоже.

АНФИСА: Я думаю, что не он. Просто режиссер ставит про себя.

ОЛЬГА: А мы играем про себя...

ИРИНА: И зритель смотрит про себя.

Входит Наташа.

НАТАША: Девочки, Павел Андреевич уехал...

МАША: Куда?

НАТАША: В Москву.

АНФИСА: Завтра не репетируем?

НАТАША: Он совсем уехал.

ОЛЬГА: Когда?..

ИРИНА: Как?!

МАША: А премьеры?

НАТАША: Сказал, что Петя доставит...

МАША: Почему?!

НАТАША: Он толком ничего не объяснил.

Пауза.

ИРИНА: А как же мы?..

МАША: А что — мы? Утварь.

Пауза.

АНФИСА: Режиссер Иванов решил поставить "Гамлета". "Гамлет" у Иванова не встал... Ничего, девушки, не расстраивайтесь! Через двадцать лет опять приедет.

МАША: Подколесин хренов. Надлюбил и бросил...

ИРИНА: Кого?

Ольга вскакивает и выбегает из гримерки.

МАША: Всех нас...

ИРИНА: Куда она? На вокзал?

НАТАША: В туалет! Рыдать...

АНФИСА: А чего рыдать? Может, он ее завтра телеграммой в Москву вызовет? Может, ему в самом деле театр дали?

ИРИНА: Да? Если бы хотел в Москву забрать, стал бы он ее на роль назначать?

МАША: Как же она играть будет?

Пауза.

ИРИНА: А фестиваль?..

НАТАША: Какой фестиваль?! Вот вам... Мэтр!.. Правильно Петя говорит: заезжие режиссеры — шабашники от Мельпомены. Как в "Поминальной молитве": ждем Мессию, а приходит урядник... Явился! "Бомбу" ставить! Интервью раздал — и смылся. А доделывать все Пете...

АНФИСА: Ты же сама хотела, чтобы он уехал.

НАТАША: Мало ли чего я хотела... А он чего хотел? Чего он вообще приехал? Свою пьесу ставить? Или романы крутить? Что это за история? Неприличное название!

АНФИСА: Да утихни ты...

НАТАША: Нет, кто-нибудь понял, чего его сюда занесло?

Пауза.

МАША (*напевает*):

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой.
Там в краю далеком
Буду тебе чужой...

Пауза.

ИРИНА (*расстроено*): А как же Европа? Биеннале?

АНФИСА (*рассматривает подол платья, отряхивает его*): Опять запылилось...

Слышен второй звонок. Маша направляется к двери.

МАША: Пойду Ольгу в чувство приводить. (*Наташе.*) Кто тебя за язык тянул? Радость распирала? Могла после спектакля поделиться... А если она на сцену не выйдет? Кто за нее играть будет? Ты? Сцена — не жизнь: две роли сразу не сыграешь. (*Выходит.*)

АНФИСА: И я пойду Ольку успокаивать... (*Ирине.*) Пошли. Чистый платок есть?

Ирина выходит.

АНФИСА: Антракт окончен. Наташа, не забудь шаль, как в прошлый раз... (*Выходит.*)

Наташа набрасывает шаль, поправляет прическу. Входит Петр.

ПЕТР: Где все?

НАТАША: В туалете. Ольгу утешают.

ПЕТР: Чего?

НАТАША: Истерика. Из-за Павла.

ПЕТР: Да... Друг мой заклятый... Еще записку передал, представляешь? (*Достаёт листок, читает.*) "...А пьесу доставишь. Не в пер-

вый раз. Теперь точно Госспремнию дадут. Твой Павел". Нахал! Перебаламутил всех...

Третий звонок. Голос из динамика: "Занятые в первой картине второго акта приглашаются на сцену!"

ПЕТР: Что они себе думают?

НАТАША: Ничего не думают. Как обычно...

ПЕТР: А тебя кто за язык дергал?! Не могла конца спектакля дожждаться? Сейчас придется деньги за билеты возвращать!

НАТАША: Кто о чем, а шелудивый о бане...

ПЕТР: Молчи, блин-президентша! Вечно впереди паровоза...

Голос из динамика: "Исполнительницы ролей Оли и Маши, на сцену! Актрисы, на сцену!"

НАТАША: Может, ты Ольгу утетишь? Хотя, в прошлый раз, как говорят, у тебя не получилось.

ПЕТР: Жаль, что не получилось!

НАТАША: А ты знаешь, я ее понимаю!

ПЕТР: В каком смысле?

НАТАША: Дома договорим. Я в туалет. *(Выходит.)*

Затемнение. Духовой оркестр играет марш "Прощание славянки".

Картина VIII

Зажигается свет. На сцене — финал спектакля "Три сестры". На авансцене — Ирина, Ольга, Маша, Анфиса и Наташа. Духовой оркестр продолжает играть марш.

МАША: О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

ИРИНА: Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я...

ОЛЬГА *(перебивает Ирину):* Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время... *(Сбивается, не может говорить.)*

АНФИСА *(продолжает вместо Ольги ее монолог):* Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас...

Вслед за Анфисой Наташа, Ирина и Маша продолжают монолог Ольги.

НАТАША: Счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь.

ИРИНА: О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить!

МАША: Музыка играет так весело, так радостно, и кажется, еще немало, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем...

ОЛЬГА (*вновь найдя силы, завершает монолог*): ...Зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Опускается занавес.

Одесса. Декабрь 2006 г.

